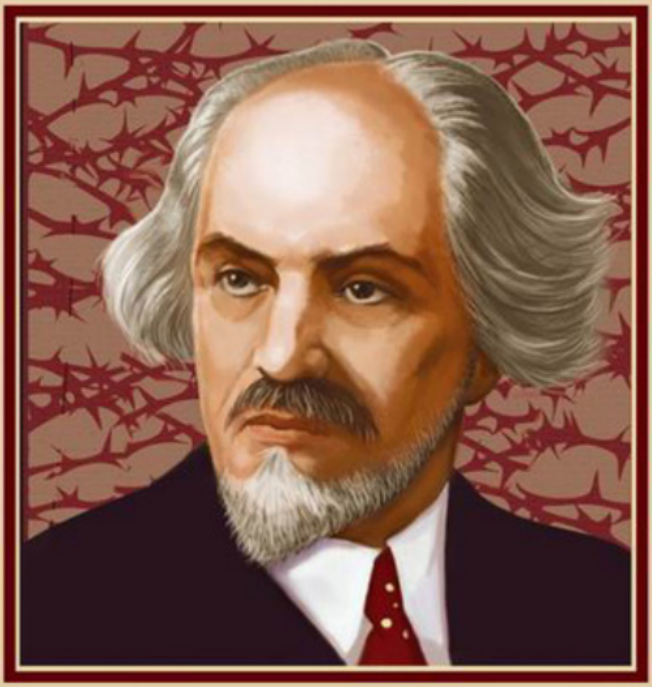
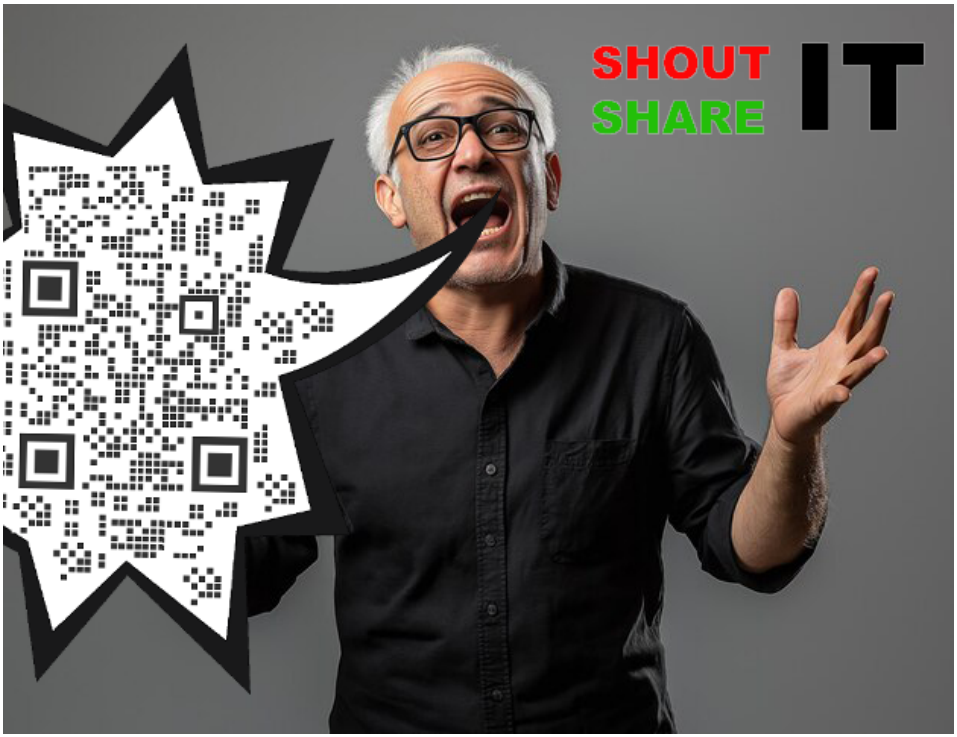
Николай Бердяев



ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Николай Бердяев – религиозный философ XX века, которого называли философом свободы. Главная тема его произведений – свобода творчества, духа. Он боролся за свободу и вынужден был признать, что эта борьба часто вела его к одиночеству и конфликту с окружающим миром. Бердяев вспоминал: «Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании». Он умер за рабочим столом в своем доме в Кламаре, пригороде Парижа, от разрыва сердца. Его книги были переведены на многие языки, и только на родине имя знаменитого философа и мыслителя долгие десятилетия обходили молчанием…

- С. Шевчук
  -
  - СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

С. Шевчук
Николай Бердяев

Николай Александрович Бердяев считал человека существом противоречивым. Не удалось и ему избежать противоречий. В его характере, например, удивительнейшим образом сочетались гордость и смирение. Будучи человеком гордым, он всегда старался не выделяться среди людей, с которыми общался, более того, пытался выглядеть человеком средним. Никогда не показывал свое интеллектуальное превосходство, из этих побуждений часто вел незначительные разговоры. Возможно, таким образом Бердяев охранял свой внутренний мир.

Его пленяла слава князя Андрея и Толстого, но сам Николай Александрович никогда не искал известности. Ему даже казалось, что его мировая слава ограничивает свободу его мысли.

Он искал смирения при воинственном характере, был вспыльчив, несдержан. В молодости часто носил при себе револьвер, но чувствовал сходство с Толстым в отвращении к насилию.

Он был бойцом по темпераменту, но часто не доводил свою борьбу до конца, воинственность сменялась философским созерцанием.

Он был требователен к себе. Укорял себя, считая, что не реализовал полностью своих возможностей и не был до конца последователен. Кающийся аристократ, в своем смирении он не прощал себе некого барства, скорее даже метафизического, чем реального. Считал, что если бы не аристократическое происхождение, то был бы менее сложен и чувствителен, более сосредоточен и последователен.

Он был смелым, не прекращал работать при артиллерийском обстреле, но панически боялся болезней. При внешней холодности, был очень заботливым человеком.

Очень сильным у Бердяева было сознание своего призвания. Он больше всего любил философию, но не занимался исключительно философией; Николая Александровича не привлекала социальная сторона жизни с ее условностями, лицемерием, жестокостью, иначе и быть не могло для человека, искавшего справедливости и гармонии, но, борясь за свободу в любых ее проявлениях, он был вынужден публично выступать, отстаивать свои взгляды перед обществом, а значит, участвовать в социальной жизни. Он не был человеком выдержанного стиля, у него было интуитивное мышление. Бердяев доказывал свою

мысль частыми повторениями, скорее эмоционально, чем логически, не обращая внимания на противоречия, шел в своих рассуждениях дальше. В этом заключалась его сила духа, его независимость – он просто не мог вместить себя ни в какие рамки, да и не стремился к этому…

* * *

Николай Бердяев родился 18 (6 – по ст. ст.) марта 1874 года в Киеве в старинной дворянской семье. Род Бердяевых, известный со второй половины XV века, упоминался в Гербовнике.[1] Впоследствии, будучи уже взрослым человеком, Бердяев скажет, что не может помнить своего первого крика, но будет утверждать, что чувствовал и знал: мир, в который он пришел, – ему чужой.

Семья Бердяевых была славна военными традициями. Прадед будущего философа, Н. М. Бердяев, был генерал-аншефом и новороссийским генерал-губернатором, дед, М. Н. Бердяев, атаманом Войска Донского. За участие в Кульмском сражении[2] М. Н. Бердяев, молодой поручик кавалергардского полка, командовавший целой частью, был награжден прусским Железным крестом и крестом Святого Георгия. Солдаты полка, которым впоследствии командовал М. Н. Бердяев, поднесли ему медаль в форме сердца с надписью: «Боже, храни тебя за твою к нам благодетель». В Новочеркасске, на парад войск (М. Н. Бердяев был тогда уже атаманом Войска Донского), приехал Николай I, и когда государь обратился к нему с тем, чтобы привести в исполнение предписание об уничтожении казацких вольностей, М. Н. Бердяев ответил, что считает вредным такой приказ и попросил уволить его в отставку. Николай I отменил свое распоряжение.

Все предки Николая Бердяева начинали службу в кавалергардском полку. Александр Михайлович, его отец, тоже был кавалергардом, но стремление к военной карьере у него было слабее, чем у славных предков, он рано вышел в отставку и поселился в своем имении в Обухове. Какое-то время Александр Михайлович был предводителем дворянства, во время Русско-турецкой войны 1877-878 годов вернулся на военную службу, после окончания кампании в течение 25 лет занимал пост председателя правления Земельного банка Юго-Западного края. Но и на этом поприще он не захотел делать карьеры и отказался от положенного ему чина за то, что более двадцати лет был почетным мировым судьей.

Александр Бердяев слыл человеком добрым, но вспыльчивым.

Эти черты передались по наследству и Николаю. Старший брат Николая был не совсем здоровым психически, иногда у него случались припадки ярости.

Мать Николая Бердяева, Алина Сергеевна, урожденная княжна Кудашева, происходила из рода графов Шуазель-Гуффье. Очень красивая женщина, она чувствовала себя более француженкой, чем русской. Юность она провела в Париже, всю жизнь писала письма по-французски, – по-русски грамотно писать так и не научилась. Крещенная в православии, Алина Сергеевна склонялась к католической вере и молилась по французскому католическому молитвеннику своей матери, графини Шуазель. Неудивительно, что в доме Бердяевых говорили больше по-французски, чем по-русски.

Родители Николая Бердяева принадлежали к светскому обществу, обладали большими аристократическими связями – отчасти родственными, отчасти приобретенными на службе. Семья Бердяевых была дружна с обергофмейстериной[3] княгиней Кочубей, имевшей огромное влияние на Александра III. Дворцовый комендант, генерал-адъютант Черевин, тоже близкий Александру III, был сослуживцем Александра Бердяева по кавалергардскому полку. Княгиня Лопухина-Демидова приходилась кузиной матери Николая Бердяева, а муж княгини, также товарищ Александра Бердяева по кавалергардскому полку, был крестным отцом Николая.

Первое детское воспоминание Николая Бердяева связано с его няней, Анной Ивановной Катаменковой, – он шел с ней по аллее сада в Обухове, на берегу Днепра, и было ему три или четыре года. Анна Ивановна, женщина горячо верующая, добрая и заботливая, бывшая крепостная деда Николая, выпестовала два поколения Бердяевых. Её, как и многих нянь в русских домах, считали не прислугой, а членом семьи.

Бабушка Николая жила в собственном доме в Печерске, старинной части Киева, где расположена Киево-Печерская лавра, Никольский монастырь, другие церкви. При этом Печерск является еще и военной крепостью. На улицах часто можно было увидеть военных и монахов. Николаю исполнилось шесть лет, когда умерла его бабушка по отцовской линии. Мальчика поразило, что ее хоронили в монашеском облачении, по монашескому обряду. Оказалось, что бабушка Николая еще при жизни была в тайном постриге. Бабушка его матери тоже стала монахиней, в доме висел ее большой портрет в монашеском облачении. Без сомнения, в какой-то степени детские впечатления повлияли на становление мировоззрения будущего философа.

Дела Александра Бердяева были запутаны, семье грозило разорение. Имение в Обухове продали и купили в Киеве дом с садом. Александр Бердяев сожалел о своем родовом имении всю жизнь. А маленький Николай мечтал, что его отец купит новое имение, пусть гораздо скромнее, но обязательно рядом с лесом. Он полюбил лес на всю жизнь, и скучал без него. Александр Бердяев владел еще одним имением, майоратным, в Польше, на границе с Германией. Его сдавали в аренду. Майоратное имение нельзя было ни продать, ни заложить, и только это спасало семью от полного разорения.

Бердяевы часто бывали за границей. Мать Николая была больна и ездила в Карлсбад на воды лечить печень. Первый город за границей, который запомнил Николай, была Вена, очень понравившаяся мальчику. Он дорожил впоследствии своими детскими воспоминаниями, считая, что именно в это время происходит становление характера человека.

Лето маленький Николай проводил в имении тети, Ю. Н. Гудим-Левкович. Позже он сопоставлял нравы своей семьи и семьи Гудим-Левковичей. Его семья казалась ему невеселой, впоследствии он будет сравнивать ее с обстановкой, схожей с романами Достоевского, – мальчик видел некоторый надрыв, неблагополучие, заключавшееся в неприспособленности своих родных к переменам, слишком сильную впечатлительность близких, конфликты отца с обществом, тяжелые отношения со старшим братом Николая,[4] человеком несомненно талантливым, но нервнобольным. В семье Бердяевых была какая-то тяжелая, гнетущая обстановка, несмотря на то, что родители и дети любили друг друга. Дом же Гудим-Левковичей казался ему светлым и беззаботным, в нем было много молодежи и, соответственно, веселья. Николай был дружен с кузинами, общество девочек всегда привлекало его гораздо больше, чем общество мальчиков.

Графиня Марья Евстафьевна Браницкая, урожденная княжна Сапега, приходилась кузиной матери Николая, а муж графини – двоюродным дядей Бердяевой. Это была аристократия, принадлежащая к высшему свету. Они находились в родстве с царской семьей – гетман Браницкий женился на дочери Екатерины II и Потёмкина.

Браницкая была очень богата. Ей принадлежало 60 000 десятин в Киевской губернии, она владела дворцами в Варшаве, Париже, Ницце и Риме. Под Белой Церковью располагался летний дворец Браницких, Александрия, построенный в стиле барокко, с одним из лучших парков не только в России, но и в Европе, с огромными конюшнями породистых лошадей. Здесь часто

устраивались грандиозные охоты, на которые съезжалась аристократия Юго-Западного края. Николай с матерью осенью постоянно жили у Браницких, в павильоне, предоставленном специально для семьи Бердяевых. В распоряжении мальчика был кабриолет с двумя пони и ослик. Николай сам правил и ездил в лес за грибами в сопровождении кучера, одетого в польскую ливрею. На ослике мальчик катался по парку.

Николаю очень нравилось гулять по чудесному парку Александрии – в уединении так легко мечталось об ином мире, который, по сути, всегда был рядом с ним. Он ощущал себя как на пересечении двух миров – этого, реального, и другого, мира духа и мечты. Мир иной переживался им, как более настоящий. Он никогда не давал этому миру точного определения, считая, что не следует четко оговаривать то, что принадлежит тайне. Отголоски своим мыслям о противопоставлении миру лживому мира подлинного, божественной природы Николай часто находил в творчестве Л. Толстого, сравнивая князя Андрея Болконского в петербургском салоне и на поле сражения под Аустерлицем. Действительности Николай противопоставлял мечту, считая ее в какой-то мере более подлинной, чем действительность. В то же время у него всегда было сильно развито чувство реальности, он не искал иллюзий и не идеализировал окружающее. Он просто хотел приблизить реальный мир к миру иному, изменить реальный мир словом, мыслью.

В доме Бердяевых часто болели. С детских лет Николаю была внушена мысль, что жизнь – это болезнь. У Алины Сергеевны, как уже упоминалось, была тяжелая болезнь печени. По ночам, когда у нее случались припадки, мальчик слышал крики матери и боялся, что она умрет. Отец тоже постоянно лечился. У совсем маленького Николая была ревматическая горячка, и в течение года он был прикован к постели. Неудивительно, что Бердяев вырос мнительным человеком, и всю жизнь боялся болезней. У него не было страха смерти, но он боялся заразиться тифом или дифтеритом. Даже грипп внушал ему ужас. И еще больше он боялся, что заболеют его близкие.

Николая никогда ни к чему не принуждали и не наказывали. Из гордости мальчик вел себя так, что у взрослых не было поводов для порицания. Он никогда не капризничал, не плакал, не шалил, но был подвержен припадкам вспыльчивости. Его отца, Александра Бердяева, всегда пугало, когда его сын белел от ярости. Мальчик рос очень свободолюбивым. Он создавал свой собственный внутренний мир, который противопоставлял миру внешнему. Николай любил обустраивать свою комнату сам, дорожил своими вещами. С детства он собирал собственную

библиотеку, и был очень аккуратен, составлял распорядок дня, требовал, чтобы его письменный стол оставался в неприкосновенности. Это была как бы обратная сторона его свободы – он ограничивал себя сам. Александр Бердяев очень любил своего младшего сына, и со временем эта привязанность только крепла. С матерью же отношения складывались иначе. Она была легким и в то же время очень добрым человеком, но много времени уделяла светской жизни.

В юности у Николая Бердяева были самые разные увлечения. Его, например, интересовали ремесла. Он пытался быть и столяром, и маляром, и штукатуром. Особенно ему нравилось столярное ремесло, он даже обучался ему в мастерской и самостоятельно делал рамки, стулья. Одно время стал огородником и сажал разные овощи.

* * *

С детских лет Николай Бердяев за заслуги предков был зачислен в пажи. Так как его семья жила в Киеве, он поступил в Киевский кадетский корпус с тем условием, что в любой момент может быть переведен в Пажеский. Для мальчика было сделано исключение: он жил дома и был приходящим учеником. В корпусе ему не нравилось. В первую же перемену между уроками Николай, оказавшись в толпе кадетов, почувствовал себя несчастным и совершенно одиноким. Во-первых, он, как уже говорилось, не любил общества мальчиков-сверстников. Во-вторых, кадеты показались ему грубыми, недалекими, пошлыми, а он был очень чувствительным ребенком. В-третьих, у Николая с детства был нервный тик, и над ним стали смеяться. В-четвертых, у него перед остальными были привилегии – он был паж, будущий гвардеец, тогда как вокруг преобладали отпрыски армейских династий. Все это не способствовало желанию мальчика учиться в Кадетском корпусе и стремиться сделать военную карьеру.

Юный Бердяев очень много читал. Герои романов и драм казались ему более реалистичными, чем окружающие люди. У него была любимая кукла-офицер. Николай придал ей черты характера, которые ему нравились. Очень рано он прочитал «Войну и мир», и кукла получила имя – Князь Андрей. Николай жил в своем, особом мире, отзываясь душевно более на созданное его воображением, нежели на действительность. Но эта жизнь не воспринималась им как фантазия, она была для него так же реальна, как и все, что окружало его. Он был убежден, что

воображение – это прорыв из этого мира в иной. И в то же время у Николая не было чувства нереальности действительности – только отчуждение к ней. Он не находился во власти иллюзии, просто действительность казалась ему далекой, чужой. Учился Николай всегда посредственно. Однажды, занимавшийся с ним домашний репетитор пришел к отцу своего подопечного и сказал, что ему тяжело преподавать такому неспособному ученику. Возможно, мальчик производил в то время именно такое впечатление, ведь он не мог решить ни одной математической задачи, выучить ни одного стихотворения, делал много ошибок в диктантах. И все же у него были кое-какие преимущества перед кадетами, когда он поступил в корпус. Николай с детства говорил на французском и немецком языках, знал теорию математики и мог как-то выкручиваться, когда ему надо было отвечать, не умея решать задачи. Он не владел орфографией, но неплохо писал сочинения. Лучше всего он успевал в истории и естествознании. Преподавание в Киевском кадетском корпусе было на должном уровне, среди преподавателей – приват-доценты университета.

Неуспехи Николая на самом деле объяснялись не тем, что он был неспособным учеником. Он воспринимал только то, что его интересовало. Он не мог просто зубрить, ему тут же хотелось в ответ на прочитанное развить собственные мысли. Экзамены были для него мукой. Однажды на экзамене по Закону Божьему кадет Бердяев получил единицу, и это по двенадцатибалльной системе. Такого в корпусе еще не случалось. Николай не мог конспектировать книги. Внутренне он не признавал никакого учителя и педагога. Его отвращение к принуждению уже в том возрасте вылилось в поиск внутренней свободы, пока еще свободы в познании – он стремился учиться только тому, чему хотел. Способности юноши проявлялись только тогда, когда он мог развить собственные мысли, а не повторять чужие. Он всегда сам составлял себе план занятий.

Николай очень хорошо ездил верхом и стрелял в цель. Это были единственные физические упражнения, которые он любил. Гимнастика казалась ему скучной, танцы не нравились, балы казались унылыми. Николай начал учиться верховой езде с девяти лет. Его обучал казак. Николай умел ездить и по-казачьи и по-кавалерийски. Особое наслаждение ему доставляла быстрая езда.

В течение шести лет Николай Бердяев учился строевой службе, и с завистью смотрел на студентов. Антипатия ко всему, связанному с армией, останется у него на всю жизнь. Позже его настроение портилось только от того, что ему на улице встречался человек в военной форме.

Одно время Николай увлекся живописью. У него были довольно серьезные способности к рисованию. Три года юноша учился в художественной школе, начал писать масляными красками. В Кадетском корпусе по рисованию был одним из первых. Но, видимо, настоящего таланта у него не было, а были способности и поиск себя, и как только он осознал свое истинное призвание, то сразу оставил живопись.

Чтение книг, размышления привели к тому, что однажды к Николаю пришла мысль: пусть он и не знает смысла жизни, но его поиски уже дают этот смысл, и этому можно посвятить всю жизнь.

Однажды почувствовав призвание к философии, Николай больше не задумывался, каким путем идти. Под философским призванием он понимал поиск истины и раскрытие смысла жизни, и вовсе не собирался становиться профессором или академиком. Это было ему так же чуждо, как и карьера военного. У его отца была очень хорошая библиотека, и неудивительно, что философские книги Николай начал читать очень рано как для мальчика своего возраста. Он прочитал Шопенгауэра, Канта и Гегеля когда ему было четырнадцать лет. Все это способствовало формированию в нем своего внутреннего, субъективного мира, который Николай противопоставлял действительности, миру объективному. Созерцая окружающий мир, он воспринимал действительность только через свое отношение к ней.

Николай воспитывался на русской литературе. Огромное влияние на Бердяева, как уже отмечалось, оказало творчество Л. Толстого и Достоевского. Понятие родины у Бердяева связано с «Войной и миром». Он всегда интересовался судьбами великих людей, но своих героев выбирал не среди завоевателей и государственных деятелей, а преклонялся перед гениями мысли. В то время очень популярной была серия книг издателя Флорентия Павленкова «Жизнь замечательных людей», насчитывавшая более 200 томов. Николай покупал эти книги, он с увлечением следил за судьбами замечательных, необыкновенных людей, вместе с ними переживал трагизм их судьбы. Юноша, осознавший свое предназначение, искал в них союзников. Больше всего в мировой литературе он любил пророков и книгу Иова, греческую трагедию, Сервантеса, Шекспира, Гете, Байрона, Гофмана, Диккенса, Бальзака, Гюго, Ибсена. С удовольствием читал исторические романы В. Скотта и А. Дюма. Из русской литературы, кроме Достоевского и Л. Толстого, более всего ему был близок Лермонтов, очень любил Тютчева.

С чтением Гегеля связан забавный эпизод. Николай ухаживал за одной из своих кузин. У нее, по моде того времени, была

маленькая книжка в синем бархатном переплете, куда влюбленный юноша должен был записать посвященные даме сердца стихи. Но вместо стихов Николай записал ей в альбом цитату из «Философии духа» Гегеля.

Николай и раньше читал философские книги, но после произошедшего в нем переворота стал читать их с большей сосредоточенностью. Его мысль питалась не только книжными источниками, он обдумывал прочитанное, и у него иногда рождались мысли, совсем не похожие на мысли авторов, часто противоположные. У Николая уже в юности появилась собственная точка зрения на многие проблемы.

Бердяев по натуре своей был бунтарем. Отмечая эту его черту, в ранней юности ему подарили книгу с надписью «Дорогому протесташе». Он с детства решил, что никогда не будет служить, чтобы никогда не подчиняться никакому начальству.

Неудивительно, что Николай не смог приспособиться к военной дисциплине, – все, что требовало подчинения, вызывало у него бурный протест. Он ненавидел кадетскую форму, не подстригал коротко волосы, старался не встречать генералов, чтобы не становиться во фронт. Он остро чувствовал свою обособленность и не мог стать частью военного коллектива. Именно поэтому у него не было друзей в корпусе. Ему всегда казалось, что товарищи не понимают его. Это отчасти связано с его замкнутостью. Свои мысли он еще пытался выражать, но чувства его оставались скрытыми от окружающих. Это была некая самозащита, защита своего мира от посторонних глаз.

С ним неохотно играли в карты, потому что Николай легко мог прийти в ярость на своего партнера. Все это не способствовало товарищеским отношениям. По сути, он был одинок в корпусе, как и в любом другом обществе, но здесь у него не было возможности выражать себя, и он не хотел и не мог подчиняться кому бы то ни было.

Бердяев, натура тонко и болезненно чувствующая, испытывал некую брезгливость к жизни, как физическую, так и душевную. Он старался с этим справиться, но без особого результата. Брезгливость у него вызывала физиологическая сторона жизни, еда, например. Он был очень чувствителен к запахам, любил духи. Его попытка приятными запахами духов подавить неприятие тех вещей, которые были ему неприемлемы, кажется особенно трогательной, в этом было проявление некой беззащитности, хрупкости его натуры. В то же время он не считал себя эстетом, хотя ему нравились красивые лица, вещи, одежда, мебель, дома, сады. Пятно на одежде или обуви вызывали у

Николая Александровича отвращение, и он стремился закрыть глаза, только бы не видеть этого. У него было очень острое зрение. Входя в гостиную, Бердяев сразу замечал все изъяны в лицах гостей, малейший прыщик не оставался им незамеченным. Философскую натуру очень угнетало, что в мире больше уродства, чем красоты.

Бердяев считал, что не был самолюбивым, утверждал, что почти никогда не обижался, – пробовал, но ему это мало когда удавалось. Состояние больного самолюбия ему было малопонятно, эта черта в людях вообще отталкивала его.

Еще в детстве и юности Бердяев вел борьбу за личную свободу, случалось, делал он это иногда с гневом и яростью. В семье ему всегда удавалось отстоять свою независимость. Он порвал с аристократическим кругом – для него было главным происхождение по духу, всё, что не связано с этим, вызывало у Николая Александровича чувство протеста. Он считал, что все родовое противоположно свободе. Его выход из аристократической среды, оторванность от семьи он объяснял своей безумной любовью к свободе и к началу личности. Род всегда представлялся Бердяеву угнетателем личности, проводником необходимости и подчинения. Поэтому борьба за свободу для философа вначале была борьбой против власти родового над человеком.

Еще до поступления в университет Николай заинтересовался социализмом. Он познакомился с трудами идеолога народнического социализма Николая Михайловского, находил заслуживающими внимания его идеи, но считал, что философские основы у него слабы. Для Бердяева из всех форм социализма наиболее приемлемой была теория «борьбы за индивидуальность» Михайловского, который, подобно Герцену, защищал индивидуалистический социализм. Конфликт личности и общества представлялся Бердяеву основным вопросом. Пребывая в таких настроениях, он заинтересовался марксизмом. Николай Александрович, как обычно, много читал, и к тому времени уже хорошо ориентировался в марксистской литературе. Он чувствовал, что в русской жизни происходит что-то новое, и ему было необходимо осмыслить свое отношение к происходящему.

* * *

Наступило время, когда Николая должны были перевести в Пажеский корпус. Он должен был жить в Петербурге, у

двоюродного брата. Но вместо этого Николай Бердяев начал готовиться на аттестат зрелости для поступления в университет экстерном. Аттестат был получен лишь со второй попытки.

В 1894 году Николай Бердяев поступил на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета Святого Владимира. В университете он лучше многих других студентов ориентировался в естественных науках. Но в 1895 году Бердяев перевелся на юридический факультет.

Он не только хотел познать истину и смысл жизни, он захотел изменить мир, согласно истине и смыслу. Бердяева не интересовала академическая карьера, он выбрал путь философа, и эта дорога привела его к революции. На первом курсе университета он познакомился с Давидом Яковлевичем Логвинским, учившимся на естественном факультете. Лонгвинский был единственным, с кем у Бердяева установились товарищеские отношения. Николай находил Давида очень одаренным и выделял его среди других студентов. Особенно интересовало Бердяева общение с Логвинским по социологическим вопросам.

Николай рано почувствовал отчуждение к дворянскому обществу, слишком многое в существовавших нравах того времени возмущало его, слишком многого он, бунтарь по своему духу, не мог принять. Всякое государственное учреждение ему, как человеку крайне впечатлительному, помимо ограничивающего свободу, казалось инквизиторским, чудовищным. Во власти люди перерождались в худшую сторону. Бердяев вспоминал, как один жандармский генерал Н. (философ не указывал его имени) бывал с визитами у его родителей. Очень любезный при встречах, этот человек совершенно иначе вел себя в тюрьме, на допросах политзаключенных. Николай Александрович никогда не считал заслугой высокое положение в обществе. Ему было чуждо разделение людей по иерархической лестнице. В то же время марксист Бердяев продолжал бывать в салоне Браницкой. Он и не предполагал, что во время революции усадьба будет разгромлена, дом сожжен, а графиня Браницкая будет вынуждена бежать и умрет на чужбине.

Николай наблюдал в себе некую двойственность – в нем одновременно была революционность и сохранялись дворянские инстинкты. Революционность он понимал прежде всего в неподчинении существующему миропорядку вообще, и это было скорее индивидуальное бунтарство, чем социальное.

Николаю Александровичу было несвойственно чувство ревности, он не понимал, что значит зависть, не был подвержен мстительности – целый ряд человеческих страстей не имел

власти над ним. Он никогда ни с кем не соревновался, как будто смотрел со стороны, был больше наблюдателем, чем участником. Он не стремился к успеху, как его понимало большинство людей. Мир иерархии вызывал у него отвращение. Он боролся с миром не как человек, желающий победы, а как человек, который хочет освободиться от власти негативных сторон жизни.

Революционные веяния того времени обещали перемены, будущее было неопределенным, зыбким. Николай, думая о своих революционных взглядах, ожидал испытаний, приучал себя к мысли, что ему предстоят страдания и жертвы во имя его убеждений. Он готовил себя к тому, что его может ожидать тюрьма, ссылка, жизнь, полная лишений. И это его не пугало.

Логвинский познакомил Бердяева с группой студентов, близких к марксизму. Там же он встретился с А. В. Луначарским. Это было время интеллигентских споров. Первый марксистский доклад Бердяев услышал в частной квартире одного поляка. Этот доклад вызвал у него не просто отчуждение, но настоящую тоску – отсутствие свободы, которую он так искал, к которой стремился, вызвало у него чувство удушья, и все же он не стал судить о марксистском учении по первому впечатлению.

Он постоянно спорил с А. В. Луначарским, не соглашавшимся признать независимость истины от революционной классовой борьбы, что для философа Бердяева означало ограничение на пути к познанию. Бердяев был очень яростным спорщиком. В такие моменты для него не существовало никаких авторитетов.

Бердяева не покидало чувство, что мир и общество основаны на зле и несправедливости. В марксизме его привлекла именно борьба с несправедливостью. Он вступил в революционный студенческий кружок и киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Таким образом, он разрывал связь с аристократическим окружением, в чем в очередной раз проявился его бунт против несвободы внешнего мира и условностей. Марксизм Бердяева изначально носил своеобразный характер, он называл себя «аристократом от социализма», акцентируя внимание на том, что его мало интересовала классовая борьба. Свобода как таковая – вот его цель.

Часто у окружающих о Бердяеве складывалось ошибочное мнение. Внешне будучи спорщиком, иногда даже горячим, внутренне он находился далеко от предмета спора. В самых жарких дискуссиях Николай чувствовал себя крайне одиноким. Еще одно противоречие Бердяева – социальные вопросы вызывали у него пламенный отклик, но всякий социальный порядок был ему чужд как ограничение свободы. В марксистских кружках он был очень активен, читал доклады, вел пропаганду, но рядом с

этим миром у него был другой – мир созерцания и философии. Он, может, и хотел бы, чтобы окружающая среда стала родственной ему, но стену внутреннего отчуждения никогда не удавалось преодолеть.

Бердяев не раз задумывался над вопросом, почему он стал марксистом. Он не разделял взглядов социалистов-революционеров, а к террору всегда относился отрицательно. Марксизм представлял нечто новое, давал, как тогда казалось, надежду на выход русской интеллигенции из кризиса. Марксизм отличал от других революционных течений гораздо более высокий культурный уровень, что не могло не импонировать Бердяеву. Становясь марксистом, он оставался идеалистом в философии. Революция не была для него религией, как для предыдущих поколений русских революционеров. Марксизм того времени способствовал смешению разных понятий и идей. Молодого философа в марксизме более всего привлекала широта мировых перспектив, изменения в планетарном масштабе. Бердяев считал Маркса гениальным человеком и принимал его критику капитализма. Старые революционные направления в России потерпели поражение. В марксизме чувствовался потенциал, возможность победы революции. Николай не только искал смысла жизни в свободе, он мечтал изменить мир согласно этому смыслу, и более не хотел оставаться созерцателем и отвлеченным мыслителем. Он хотел действовать. Эти соображения привели его к марксизму, который, как и многие другие течения, оказался в итоге узок для него.

Бердяев читал лекции и доклады членам Киевского социал-демократического комитета, многие марксисты считали его идейным руководителем. В одну из своих поездок за границу он нелегально, в двойном дне сундука, привез большое количество социал-демократической литературы. При всем этом Николай Бердяев не был профессиональным революционером, прежде всего он оставался философом.

Несмотря на аристократическое происхождение, Бердяев легче, чем другие интеллигенты, находил общий язык с простым народом. В Киеве, например, некоторые рабочие, враждебно настроенные к интеллигенции, относились к Бердяеву хорошо, выделяли его среди остальных.

В первый раз Николай Бердяев был арестован за участие в большой студенческой демонстрации. Студентов окружили казаки, и демонстрантов взяли под стражу. Несколько дней студенты просидели в арестантских ротах, после чего всех отпустили.

В то время Киев был одним из главных центров социал-

демократического движения. В городе находилась подпольная типография, издавалась революционная литература, существовала связь с эмиграцией, с группой Плеханова, Аксельрода и В. Засулич.

В 1898 году Николай Бердяев был арестован по первому в России большому социал-демократическому делу и исключен из университета. Во время обыска, проведенного в ночь на 12 марта 1898 года, была составлена справка, что у него изъяты компрометирующая переписка, рукописи антиправительственного содержания и запрещенная литература. При допросе Бердяев показал, что обнаруженные у него рукописи были написаны им для себя, что он их не распространял (за исключением рукописи «О морали долга», которую давал читать некоторым знакомым). В другой справке было указано об изъятой у арестованного переписке, из которой следовало, что литературные произведения Бердяева в рукописях распространяются в среде знакомых. Кроме того, найдено несколько рукописных статей, из которых одна составлена самим Бердяевым, а другие переведены им из иностранной литературы.

По этому делу было арестовано 150 человек. Арест Николай Александрович воспринял с эмоциональным подъемом, редким для него чувством единения с другими людьми. В критических жизненных ситуациях он не испытывал состояния угнетенности, растерянности, в нем словно просыпался воинственный дух его предков, он всегда был настроен бороться и переломить ситуацию. Арестованные не считали себя проигравшими, наоборот, победителями, им казалось, они начинают новую эру в освободительном движении, что даже в Западной Европе будет резонанс на их арест.

На следующий день после ареста в тюрьму приехал киевский генерал-губернатор генерал-адъютант Драгомиров, бывший в довольно близких отношениях с родителями Бердяева. Генерал вошел в камеру в сопровождении жандармского генерала и прокурора. Бердяев на всю жизнь запомнил слова Драгомирова о том, что социал-демократы не видят, что общественный процесс есть процесс органический, а не логический, и что ребенок не может родиться раньше, чем на девятом месяце. Но разве можно было остановить социал-демократическое движение рассуждениями о несвоевременности перемен, которых они добивались – только вызвать недоумение и подозрение у жандармского генерала, который и без того постоянно писал доносы на Драгомирова.

В первые дни в огромном общем помещении Лукьяновской тюрьмы, где находились все арестованные мужчины, Бердяев

прочел ряд докладов. Потом его перевели в одиночную камеру, но дверь в коридор оставалась открытой. Этот режим был далек от условий Петропавловской крепости и Алексевского равелина. Бердяеву без труда удавалось проникать в верхний коридор того же корпуса тюрьмы, где сидели дамы, его знакомые. Во время прогулки заключенные в тюремном дворе устраивали настоящие собрания, на которых председательствовал Бердяев. Нарушение режима закончилось для Николая тем, что его перевели в настоящее одиночное заключение, когда дверь уже была запертой. Он просидел в тюрьме месяц. Благодаря знакомству его отца с генерал-губернатором, молодой революционер был освобожден без права выезда из Киева и находился под надзором полиции до рассмотрения его дела.

После Бердяева по делу социал-демократической типографии был арестован Логвинский. Последовало длительное тюремное заключение, после – ссылка в Сибирь. Николай виделся с Логвинским перед ссылкой. Но тогда в убеждениях Бердяева началось движение в сторону идеализма, Логвинскому же это направление оказалось чуждо, и отношения друзей дали трещину, идеология разъединила их. Впоследствии отцу Бердяева благодаря связям удалось выхлопотать улучшение положения Логвинского в Сибири. Однако это не помогло. Давид Логвинский умер от туберкулеза.

Находясь под следствием, Николай Бердяев получил специальное разрешение на поездку в Петербург. Аристократ по происхождению и марксист, он всю жизнь будет вращаться в самых разных кругах, часто противоположных по убеждениям. В Петербурге он обедал у своего двоюродного брата, князя, вместе с Треповым, директором департамента внутренних дел, а вечером встречался с теоретиками «легального марксизма» П. Струве и М. Туган-Барановским. После этой поездки в Петербург у Бердяева завязались связи с людьми, близкими ему по течению критического марксизма, склонявшихся, как и он, в сторону идеализма.

Молодой философ, как и марксисты, хотел нового мира, но он видел его построенным на принципах свободы и творчества. Его революция была этической, а не социальной.

Свободолюбиво настроенному философу Бердяеву двадцать пять лет. Находясь под гласным надзором полиции он написал свою первую книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». Книгу прочел П. В. Струве, разделявший стремление Бердяева к идеализму, и написал к ней большое предисловие. Ее издали в Петербурге, когда Николай уже был в ссылке.

В большинстве критических статей о книге Бердяева отзывались негативно, что только способствовало еще большей его известности. В своей книге философ-аристократ предпринял своеобразную попытку реформирования марксизма, соединив марксистскую критику общества, ту самую несправедливость, с которой боролся мыслитель, с идеализмом в философии. В ней явно прослеживается влияние Канта: добро, истина, красота не зависят ни от каких социальных условий, они внеклассовы, первичны и принимаются бездоказательно, с морально-этической точки зрения. Вместе с тем Бердяев попытался обосновать идею исторического предназначения пролетариата и неизбежности социализма, опять же с этической стороны. Предназначение – вот один из вопросов, волновавших философа, но ответ на него он будет искать в других сферах мысли. К моменту выхода книги в свет Николай Александрович уже начинает понимать, что изменить марксизм в лучшую сторону ему не удастся. Когда Бердяев получил экземпляр книги, то уже хотел бы написать ее по-другому. В направлении к идеализму он пошел дальше критики марксизма – к метафизике, к проблеме духа.

Николай Бердяев, как уже говорилось, никогда не уходил полностью в марксистскую среду. Он общался и в других кругах. На первом курсе университета Николай познакомился с Г. И. Челпановым, популярным профессором философии, с большим успехом читавшим курс по критике материализма. У него собирались по субботам, Бердяев часто бывал на этих вечерах, где велись длинные философские разговоры. Беседы с Челпановым помогали Николаю расширить свой кругозор. Политические взгляды у них были разные, но это не имело значения для обоих. Перед ссылкой Бердяев познакомился со Львом Шестовым – философом-экзистенциалистом, ставшим его другом на всю жизнь. Они часто спорили, у них было разное отношение к миру, но они оба искали смысл жизни, и это объединяло их. Особенно заинтересовала Бердяева книга Шестова о Ницще и Достоевском.

Первая статья Бердяева «Ф. А. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму» была напечатана в 1899 году в марксистском журнале «Neue Zeit», редактируемом Каутским. Каутский в переписке очень хвалил статью Бердяева и писал ему, что возлагает большие надежды на русских марксистов для дальнейшего развития теории марксизма.

По решению суда Николай Бердяев был сослан на три года в Вологодскую губернию, как и почти все социал-демократы. Лишь очень немногие проходившие по «типографскому делу» были сосланы в Сибирь. Перед ссылкой, когда Бердяев читал свой первый публичный доклад – главу его книги «Субъективизм и

индивидуализм в общественной философии», слушатели устроили ему настоящую овацию.

В политическом отношении Бердяев оставался социал-демократом, но его считали индивидуалистом, что не приветствовалось в марксистской среде. Он отказывался подчинять личную совесть коллективной, в чем видел ограничение свободы. Когда в Вологду прибыла большая группа ссыльных, среди многих вопросов возник один, показавшийся Николаю Александровичу очень глупым – подавать или не подавать руку полицмейстеру. Бердяев отказался коллективно решать этот вопрос. Он сказал, что сам решит, как ему поступать. У революционной интеллигенции была жесткая дисциплина, – философ ненавидел ее с детских лет, еще по Кадетскому корпусу. Он хотел бороться в одиночку и никогда не соглашался выполнять приказы. Он отказывался подчиняться коллективной морали, и никогда не становился частью какой-либо группы. Его обвиняли в индивидуализме, но именно в этом философ и видел свою революционность.

Ссыльные, проходя по этапу через Вологду, направлялись большей частью в уездные города Вологодской губернии, иногда в Архангельск. Некоторые через Вологду возвращались из ссылки. Многие из них заходили к Бердяеву, в гостиницу «Золотой якорь», где он жил. В гостинице подобралось довольно интересное общество. Вместе с Бердяевым в Вологду были сосланы А. Ремизов, П. Щеголев и А. Маделунг, Б. Савенков и А. Богданов, А. Луначарский.

Вологодским губернатором в это время был дальний родственник и друг дяди Бердяева. Через полтора месяца Николай получил документ, разрешавший ему выбрать для поселения какой-нибудь не университетский город на Юге России. Бердяев не просил никого об этом одолжении и был удивлен тем, что его получил. Оказалось, что генерал свиты Его Величества светлейший князь Н. П. Лопухин-Демидов, крестный отец и муж тети Бердяева, сказал великому князю Владимиру Александровичу, что племянника его жены и его крестника сослали в Вологодскую губернию, и просил, чтобы его перевели на Юг. Николай отказался от этой возможности и остался в Вологде. Полиция не беспокоила его. Среди ссыльных он тоже отстоял свою независимость.

Вологодский период жизни Николая Бердяева был наполнен философскими исканиями. Некоторые вопросы, волновавшие его, не вмещались в марксизм, и наоборот, проблемы, стоявшие перед марксистами, не входили в круг интересов его мысли. Товарищи Бердяева по ссылке характеризовали его как идеалиста, но с

марксизмом он еще не порвал.

В ссылке Николай Бердяев пишет еще одну статью – «Этическая проблема в свете философского идеализма». Ее напечатали в сборнике «Проблемы идеализма». В этом сборнике помимо бывших марксистов, увлекшихся идеалистическим направлением, участвовали либеральные представители академической философии: П. Новгородцев, братья Трубецкие. Статья Бердяева была проникнута идеями, близкими к Канту и Ницше. Об этой статье князь Трубецкой сказал, что если бы знал о ней, то не стал бы участвовать в сборнике. Эта статья фактически означала разрыв философа с марксизмом, после ее выхода многие товарищи Бердяева называли его изменником идеям марксизма.

Последний год ссылки Бердяеву разрешили провести в Житомире, и после ее окончания. Николай вернулся в Киев. В Киеве он познакомился с Сергеем Николаевичем Булгаковым (1871–1944), профессором политической экономии в Политехническом институте. Булгаков тоже прошел в своих убеждениях через марксизм, но иначе, чем Бердяев. С. Булгаков родился в семье священника, окончил духовное училище, поступил в семинарию. Через три года, увлекшись революционными идеями, он оставил семинарию, окончил гимназию в Ельце и поступил в Московский университет на юридический факультет. Булгаков, как и Бердяев, активно сотрудничал в марксисткой печати, был лично знаком с Г. Плехановым, А. Бебелем, увлекся политэкономией марксизма. Но вскоре, разочаровавшись в марксизме, он начинает активно критиковать учение Маркса и его последователей. На Булгакова большое влияние оказали работы великого русского философа-идеалиста Вл. Соловьева. Булгаков, как и Бердяев, искал истину, но его мысли были направлены в сторону «христианского социализма», религиозного понимания общественной жизни, христианского миросозерцания. После революции 1917 года Сергей Булгаков принял сан священника. Знакомство с Булгаковым открыло Николаю Бердяеву новые направления развития его философской мысли.

* * *

После ссылки у Николая Бердяева наступил кризис общения. Разрыв с марксистами был неизбежен, нового круга единомышленников он еще не нашел. Разрушив прежнее, он ничего не приобрел. Этот период жизни философа был заполнен

пустотой – замкнутому по натуре, ему для его внутренней жизни было необходимо общение с людьми, как необходимы были новые мысли. Неравнодушный к политике, он политиком не был. Кое-какие личные связи с социал-демократами у него сохранились, но в этом кругу к нему относились враждебно. А либералы были идейно чужды ему. Социал-демократы относились к Бердяеву враждебно из-за его идеализма, а либералы по этой же причине воспринимали его с иронией. Нетерпимость социал-демократов к Бердяеву можно было объяснить тем, что они фанатично веровали в революцию и не терпели в своих рядах «еретиков». Насмешливо-ироничное отношение либералов толковалось их скептицизмом – духовные искания они считали безвредной чепухой. Бердяев же искал деятельности. Он примкнул к Союзу освобождения. В 1903 и 1904 годах Н. Бердяев принял участие в съездах, на которых был создан Союз освобождения. Эти съезды проходили в Германии, в Шварцвальде и Шафгаузене. Рейнский водопад, красоты природы привлекали Бердяева гораздо больше, чем содержание съездов. Многие из людей, присутствовавших на них, позже вошли в состав Временного правительства. Бердяев находил их достойными людьми, но и эта среда, как часто с ним бывало, отторгала его. Из Союза освобождения потом отделилась группа людей, составившая ядро Партии конституционных демократов. Эту партию Бердяев считал буржуазной, и не видел своего места в ней. Он оставался социалистом. Банкеты Союза освобождения казались Николаю Александровичу ужасно скучными, он чувствовал себя на них лишним. Какое-то время он сблизился с П. Струве, но тот большее значение придавал политике, чем проблемам духовным. Беседы с С. Булгаковым на религиозные темы были полезны и содержательны, но и с ним Николай Александрович все больше расходился во взглядах. С. Булгаков склонялся к христианству, Бердяев же выбрал путь свободной духовности.

Революцию 1905 года Николай Бердяев воспринял противоречиво. Он примирился с неизбежностью революции и признавал ее, но последствия, к которым она привела, оттолкнули его. Он считал эту революцию неудавшейся, а героический период в истории русской интеллигенции законченным. Бердяев приветствовал революцию, но революцию духа, а не масс. В 1907 году он написал статью, которая вошла в его книгу «Духовный кризис интеллигенции». В этой статье Николай Александрович довольно точно предсказал, что в следующей революции победят большевики, и что эта революция, вопреки ожиданиям многих, не станет торжеством свободы и гуманности – наоборот, будет враждебна им. В этом он видел

трагизм русской исторической судьбы. Бердяев отошел от политики и целиком посвятил себя духовной борьбе. Теперь он хотел изменить если не мир, то сознание интеллигенции.

Его часто называли «любимцем женщин и богов». Но сам философ считал, что подобное определение не имеет к нему никакого отношения, потому как это характеристика человека легкого и счастливого, каковым он себя не считал. Острое переживание одиночества не делало его счастливым.

Летом 1904 года Бердяев познакомился со студенткой Лидией Рапп. Лидия родилась 20 августа 1871 года в Харькове в семье нотариуса Юдифа Степановича Трушева. В семье было трое детей. О брате Лидии практически ничего не известно. С младшей сестрой Евгенией Лидия была очень дружна, они не расставались всю жизнь. Трушевы были весьма состоятельны. Зимой семья жила в городе в собственном доме, весну и лето проводили в деревне. Мать, Ирина Васильевна, почти не принимала участия в воспитании девочек. Вначале за детьми следила бонна-немка, затем француженка. В 1889 году Лидия закончила обучение в пансионе при частной женской гимназии Н. Я. Григорцевич. Сестры Рапп, увлекшись народническими идеями, решили посвятить себя служению обездоленным и страждущим. За советом Лидия обратилась к Л. Н. Толстому. Знакомая с ним только по его творчеству, 21 сентября 1890 года она отправила ему письмо, в котором писала, что хочет закончить фельдшерские курсы в Петербурге, просила благословить ее или указать другой путь, где она могла быть полезной обществу. Толстой ответил на ее письмо. Он отговорил Лидию от курсов и советовал подумать над тем, как искать не средства делать добро, но средства перестать делать зло. 16 ноября 1890 года Лидия написала еще одно письмо Толстому. Оно осталось без ответа. На курсы Лидия поступать так и не стала.

В 1889 году умер Юдиф Трушев. После его смерти семья испытывала материальные затруднения. Ирина Васильевна старалась поправить дела. Дом в Харькове на Михайловской площади был продан, но дачу Бабаки в Люботине удалось сохранить. Несмотря на трудности, в 1891 году Лидия ездила в Швейцарию, где в пансионе под Лозанной изучала французский язык.

Вскоре Лидия Трушева вышла замуж за потомственного дворянина Виктора Ивановича Раппа, чиновника Харьковской контрольной палаты. Он был совладельцем «Книгоиздательства В. И. Рапп и В. И. Потапов». Евгения вышла замуж за его брата – Евгения Ивановича. Сестры Трушевы-Рапп хлопотали об устройствах народных школ, библиотек, но их начинания увязли

в бюрократических препонах. Лидии не удалось открыть свою школу, и она искала единомышленников. Вскоре она присоединилась к Харьковскому социал-демократическому рабочему союзу ремесленников. В 1899 году сестры проводили занятия в кружке ювелиров, обсуждали на собраниях Союза вопросы народного просвещения. 6 января 1900 года они были арестованы. Через двадцать дней Лидия и Евгения были освобождены под залог в 2000 рублей за каждую. Несмотря на арест, они продолжили заниматься революционной деятельностью. Второй раз Лидия Трушева-Рапп была арестована в 1903 году, вместе с мужем и сестрой, когда была разгромлена Харьковская подпольная типография РСДРП.

Лидию, Евгению и Виктора Рапп освободили под залог. Им было предписано покинуть Харьков. В начале января 1904 года они переехали в Киев. Это освобождение показалось подозрительным харьковскому губернатору, и 18 февраля он отправил в Департамент полиции жалобу на действия прокурора Харьковской судебной палаты С. С. Хрулева, который содействовал освобождению семьи Рапп. Виктор Рапп был вновь арестован.

Встреча Лидии Рапп и Николая Бердяева произошла 19 февраля на банкете в день освобождения крестьян. Лидия была, так сказать, заочно знакома с Бердяевым, о нем ей рассказывал Сергей Булгаков и обещал непременно познакомить ее с молодым философом.

Бердяев всегда одевался элегантно, у него была склонность к франтовству, и он всегда уделял большое внимание внешности. Лидия была красивой женщиной – зеленые глаза, четкий профиль. Николай искал любви необыкновенной, связанной с духовной жизнью. С Лидией у них были не только общие взгляды на искусство. Она была очень религиозным человеком и при этом занималась революционной деятельностью.

Летом 1904 года Бердяев писал Лидии, что в его жизни произошла огромная перемена, – если раньше он был одинок, то теперь будет с рядом с ней, что бы ни случилось, и верил, что если даже все отвернутся от него, то она не покинет его и поймет, а больше ему ничего не нужно. Осенью он собрался в Петербург и предложил Лидии ехать вместе с ним. Скорее всего, Лидия сразу переехать не смогла: нужно было уладить отношения с В. И. Раппом, а кроме того, она находилась под негласным надзором полиции и жить в столице не имела права.

Осенью 1904 года Николай Бердяев переехал в Петербург. Он намеревался редактировать новый журнал, который решено было создавать на основе уже существующего «Нового пути»,

выходившего с 1903 года. Идея журнала принадлежала группе символистов во главе с поэтом, писателем и мыслителем Дмитрием Мережковским. Именно они пригласили в редакцию Бердяева и Булгакова. «Мережковцы» представляли литературные религиозные искания, «идеалисты», к которым относил себя Бердяев, – философское и общественное направления. Вскоре «Мережковцы» перестали играть главную роль, направление журнала начали определять Булгаков и Бердяев. Вышло несколько номеров. Но сотрудничество «мережковцев» и «идеалистов» оказалось непрочным, их развели по разные стороны, как всегда, идейные разногласия.

Приезд в Петербург означал для Николая Бердяева встречу с литературным миром. Начало XX века – это новый ренессанс русской культуры. Бердяев чувствовал это опьянение творческим подъемом, происходившее вокруг, обострение эстетической чувствительности, его привлекала новизна, религиозные искания. Наступила эпоха расцвета поэзии, философской мысли, в обществе проснулся интерес к мистике и оккультизму. Сознание интеллигенции изменялось. Философская терминология вошла даже в частную переписку. Повсеместно в кружках и салонах, на страницах печати обсуждались идеи Шеллинга, Ницше, Маркса, Соловьева, Достоевского и Толстого.

Бердяев всегда ждал чуда от общения с новыми людьми. Так совпало, что культурный ренессанс появился в предреволюционную эпоху и вместе с надеждой на преображение жизни нес чувство приближающейся гибели старой России.

В искусстве рождались новые направления. Философская мысль возвращалась к вопросам, поставленным Достоевским и Толстым, но неоцененным по достоинству прежними русскими критиками. Бердяев еще до приезда в Петербург с большим интересом прочитал книгу Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», которую считал лучшим произведением писателя.

После развала «Нового пути» был создан новый журнал – «Вопросы жизни», который издавал Д. Е. Жуковский. В нем, кроме редакторов С. Булгакова и Н. Бердяева, сотрудничали многие яркие мыслители эпохи: Д. Мережковский, В. Розанов, А. Карташев, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, А. Ремизов, Г. Чулков, Л. Шестов, М. Гершензон, С. Франк, П. Струве, князь Е. Трубецкой, П. Новгородцев, Ф. Зелинский, Б. Кистяковский, А. Глинка (Волжский), В. Эрн. Общение с ними несомненно повлияло на мировоззрение Николая Бердяева. Во многом он был не согласен с ними, но, как сам признавал, благодаря им значительно расширил свой кругозор.

В ноябре 1905 года по Высочайшему указу было прекращено

дело Харьковского комитета РСДРП и Лидия Рапп получила свободу передвижения. Она приехала в Петербург к Бердяеву и больше они не расставались.

Встреча с Д. Мережковским имела для Николая Александровича большое значение. Долгие зимние вечера 1905 года Бердяев проводил в разговорах с женой Мережковского З. Н. Гиппиус. Они засиживались до трех часов ночи. Бердяева поражало в ней отсутствие человеческой теплоты, он находил ее холодность «змеиной». Чуткий к страданиям, Бердяев считал Гиппиус несчастным человеком и при этом очень ценил ее поэзию, хотя поэтов не любил. Личного общения с Дмитрием Мережковским у Бердяева не сложилось. Он считал, что это вряд ли было возможно, главным образом из-за характера самого Мережковского, который не слышал и не замечал людей. Николай Александрович вспоминал, что вечера у Мережковских таили в себе нечто магическое, почти сектантское. Они стремились подчинять, довлели над собеседниками, а Бердяев, индивидуалист по своей природе, не мог этого позволить. Он сам считал себя выразителем новой религиозной и философской мысли. Атмосфера, царившая у Мережковских, в какой-то степени повлияла на поворот Бердяева к православной церкви. Он находил, что в ренессансе XX века, слишком много языческого, и это казалось ему новым ограничением свободы личности.

В Мережковских Бердяева вначале привлекла их неординарность, необычность. Но Николай Александрович всегда был личностью независимой, никогда не сливался с обществом, не позволял поглотить себя коллективной силе, не растворялся в чужих идеях, и мог противостоять сторонней харизме. Как бы ни казались интересны ему новые мысли, как бы ни интересны были люди, он никогда не попадал под их обаяние. Превыше всего он ставил свободу, и любая попытка влияния на Бердяева вызывала у него обратную реакцию. Атмосфере, господствовавшей в умах творческой интеллигенции в начале XX века, он противопоставил свободу личности и духа. Новые веяния того времени лишь слегка задевали его, настолько, чтобы узнать, постичь их и вернуться к своим, изначально волновавшим его вопросам. Он пытался понять новые идеи, но не подчинялся им. Поэтому он оставался всегда одиноким и в марксизме, и в православии.

Василия Васильевича Розанова Николай Бердяев считал одним из самых ярких и оригинальных людей, каких ему приходилось встречать в своей жизни. Обладая типичными русскими чертами, Розанов тем не менее был индивидуален. Бердяеву казалось, что Розанов похож на героев Достоевского, его

внешность больше подходила какому-нибудь рыжему хитрому костромскому мужику. У Розанова была забавная манера говорить – пришептывая и приплевывая. Бердяев считал, что у Розанова самый большой дар в современной русской прозе, неудивительно, что между Бердяевым и Розановым сложились хорошие отношения. Василий Васильевич часто называл Николая Адонисом, иногда «барином» и обращался к нему на «ты». О книге Бердяева «Смысл творчества» Розанов написал четырнадцать статей. Он одновременно восхищался книгой философа и критиковал ее. До Розанова еще никто не уделял Бердяеву столько внимания. Отношение к миру у них было противоположным. Николай Александрович ценил критику Розановым исторического христианства и лицемерия христианства в проблеме пола, но в столкновениях Розанова с христианством принимал сторону христианства. В Петербурге, на первом собрании Религиозно-философского общества, основанного по инициативе Бердяева, Николай Александрович прочел доклад «Христос и мир», обращенный против статьи Розанова «Об Иисусе Сладчайшем и о горьких плодах мира». Что, однако, никак не повлияло на их отношения.

В культурном ренессансе начала XX века Николай Бердяев нашел много новых тем для себя. Он считал себя многим обязанным общению с людьми того времени. Но магическая, оккультная атмосфера, символизм, казавшиеся ему опасными для свободы, не имели над ним власти.

Многое было для него неприемлемым. Бердяева раздражала литературщина, элитарность, эгоцентризм поэтов, неестественность увлечения оккультными течениями. Все это порождало у него уже знакомое ему чувство нехватки свежего воздуха.

Культурный ренессанс рубежа веков был элитарен. Его представители, хоть и сочувствовали революции, были слишком увлечены новыми проблемами философского, эстетического, мистического характера и совсем не интересовались социальными вопросами. Людям, активно участвовавшим в социальном движении, были чужды интересы культурной элиты. Попытка организаторов журнала «Вопросы жизни» установить сближение культурных и социальных течений провалилась.

В России в то время были в моде дионисические[5] веяния и оргиазм. Искали экстазов, и мало интересовались реальностью. Для Бердяева это означало равнодушие к теме личности и свободы. Андрей Белый, необыкновенно яркая творческая индивидуальность, с гордостью говорил, что у него нет личности, нет собственного «я». Бердяев в этих настроениях усматривал

только подтверждение различия между индивидуальностью и личностью. В то время многие хотели преодолеть индивидуализм, и идея «соборности» в сознании и культуре была очень популярна в литературных кругах. Главным теоретиком соборной культуры, преодолевающей индивидуализм, был Вячеслав Иванов – философ, один из идейных вдохновителей Серебряного века.

Это был человек утонченной, универсальной культуры: поэт, филолог, специалист по греческой религии, теолог, теософ, публицист, интересующийся политикой. Он мог говорить на любую тему. По средам Вячеслав Иванов и его жена Л. Д. Зиновьева-Аннибал устраивали у себя на квартире, называемой «башней», встречи, на которых собирались едва ли не все наиболее одаренные люди того времени: поэты, философы, ученые, актеры, политики. Беседовали на философские, литературные, мистические, оккультные, религиозные и общественные темы. Все эти обсуждения всегда происходили на очень высоком интеллектуальном уровне, подчеркнутой культурной утонченности. В «башне» собирался «аристократический» слой русской культуры и мысли. Три года Бердяев был бессменным председателем на «средах» Ивановых. Иногда поэты читали свои стихи.

Вячеслав Иванов уделял много внимания начинающим поэтам и был хорошим учителем. Но дружба у него была несколько деспотична. Бердяева, как человека независимого, ценящего личную свободу, это раздражало в Иванове, который, как никто, умел очаровывать людей. Особенно неотразимо его взгляд действовал на женщин.

Однажды, когда в «башне» было особенно много гостей, власти произвели обыск. У каждой двери стояли вооруженные солдаты. Всю ночь переписывали присутствующих.

Бердяевы дружили с семьями Розановых, Ремизовых, Эрнов, Гершензонов. В марте 1906 года в «башню» Николай и Лидия пришли с цветами. Вечер был стилизован в античном стиле. Лидия украсила цветами женщин и мужчин. В подражание античности, Бердяева укутали в оранжевую кашемировую шаль, уложив ее греческими складками, повязали ему вокруг головы оранжевую ленту, волосы украсили розами. Лидия сделала прическу в греческом стиле, перехватила волосы красной лентой, наряд ей соорудили из старой персидской шали матери Зиновьевой-Аннибал.

Эллинистические вечера привлекали цвет тогдашней интеллигенции, однако у «менее утонченной» публики вызывали несуразные пересуды. Общая «эллинская» настроенность, поиски необыкновенного, выходящего за рамки обыденности, подвигли

нескольких писателей того времени к попытке подражания «дионисической мистерии», которая должна была пройти на квартире у Н. М. Минского – поэта-мистика, одного из основателей Религиозно-философского общества. Идея мистерии принадлежала В. Иванову. Слухи проникли в печать, журналисты писали, что на этом собрании была даже отслужена «черная месса». На самом деле ничего ужасного у Минского не произошло, вечер был проведен литературно и театрально. Но Бердяев не одобрил эту «дионисическую мистерию», действо показалось ему крайне легкомысленным, неестественным и надуманным.

* * *

Годы, проведенные Бердяевым в Петербурге, не были плодотворными для мыслителя в творческом плане. Он все еще пребывал в поиске главной темы своей жизни. В общении с культурной элитой Бердяев расширил свой кругозор, познал новые эмоции. Он много писал, но не создал, как считал, ничего значительного. Книга «Новое религиозное сознание и общественность», отражавшая его движение в религиозном анархизме, показалась ему несовершенной. В Бердяеве зарождался очередной протест, на этот раз он был направлен против литературных течений того времени. Он разочаровался в них и желал порвать с ними. В 1907 году Николай уехал из Петербурга. Зиму он провел в Париже, где встретился с Мережковскими. Отношения между ними портились, Бердяеву претило литературное сектантство. Мережковским же Бердяев казался человеком, слишком увлеченным православием. Зима прошла в бурных спорах. Взгляды Мережковских и Бердяева разошлись, отношения кончились полным разрывом.

В 1908 году Бердяевы переехали в Москву. В то время в городе существовало Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева,[6] организаторами которого были С. Булгаков, князь Е. Трубецкой, В. Эрн, Г. А. Рачинский, Вяч. Иванов. Присоединился к этому обществу и Николай Бердяев, считавший эти круги серьезнее литературных петербургских. В каждой теме, философской ли, культурной, социальной, исторической, члены Общества искали религиозные и духовные истоки. Но Бердяев и здесь почувствовал себя обособленно, несмотря на свое искреннее желание приобщиться к тайне православной церкви. В этом обществе он представлял новое религиозное сознание, отличавшееся от догмы. Часто споры

происходили в философском кружке, собиравшемся в доме у М. К. Морозовой.

В 1909 году Николай Бердяев принял участие в создании сборника «Вехи», составителем и одним из авторов которого был М. Гершензон. Сборник вышел тиражом три тысячи экземпляров. За год он был переиздан четыре раза, общий тираж достиг огромной для того времени цифры – 16 тысяч экземпляров. В газетах и журналах было напечатано более двух сотен откликов и рецензий на статьи, опубликованные в «Вехах», сборник обсуждали на лекциях и собраниях. Он стал значительным событием в культурной жизни общества. Авторы сборника – Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гершензон, А. Изгоев, Б. Кистяковский, П. Струве и С. Франк – объединились в своей критике радикальной революционной интеллигенции. Открывала сборник статья Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда».

В Москве Бердяев стал читать ранее чуждых ему славянофилов, заинтересовался трудами Алексея Хомякова (1804–1860), богослова и философа, одного из основоположников славянофильства. Ему была близка идея свободы Хомякова, как основы христианства и церкви, Бердяев начал писать о нем книгу, познакомился со святоотеческой литературой, которая, впрочем, не привлекла его внимания. В Москве у Булгакова Николай Александрович познакомился с Павлом Флоренским – талантливым математиком, физиком, филологом, оккультистом, поэтом, богословом, философом, обращенным к православию. Два знаменитых философа не нашли взаимопонимания. Во Флоренском Бердяева отталкивала эстетичность и созерцательность, в которых не было места теме свободы.

В какой-то момент Николай Александрович перестал посещать собрания Религиозно-философского общества. Он закончил монографию о Хомякове, деньги за которую уж давно были прожиты, и прекратил сотрудничество с издательством «Путь». Бердяев строил планы провести зиму с женой и ее сестрой в Италии. Но на поездку нужны были деньги. Средства для поездки Николай Александрович нашел в другом издательстве, после Николай и сестры Рапп уехали за границу. Они жили во Флоренции и Риме. Очень интересны с точки зрения понимания мировоззрения философа его ощущения от знакомства с Италией. Ему нравились произведения раннего Ренессанса, Боттичелли, Леонардо да Винчи, барочные фонтаны, первохристианские церкви. Но собор Святого Петра, Рафаэля, барочные церкви не трогали его душу.

В Риме Николай Александрович, по его воспоминаниям,

остро ощущал ход мировой истории. Огромное впечатление на него произвела Кампанья. А в Ассизи Бердяев был огорчен тем, что монастырь Святого Франциска находится в заброшенном состоянии. Один из монахов, датчанин по происхождению, рассказал философу о забвении современными итальянцами святого Франциска. В тот день в католическом монастыре специально для православных служили мессу у гроба Франциска Ассизского.

Тем временем из Киева приходят тревожные письма о болезни матери Николая Александровича. При всей его казавшейся внешней сухости и замкнутости Бердяев был отзывчивым и заботливым человеком, беспокоился о близких. От родных приходят уже срочные телеграммы, требующие его немедленного приезда. В итоге Бердяевы возвращаются в Россию.

В Италии он начал писать книгу «Смысл творчества», в которой Николай Александрович представил свои религиозно-философские взгляды, свое видение очень волновавшей его проблемы мирового зла и зла в человеческой жизни. После того как книга увидела свет, отзывы на нее были неоднозначными. Вяч. Иванов, например, высоко оценил ее, а С. Булгаков в своем труде «Свет невечерний» называл мысли Бердяева о творчестве «демоническими».

Надо сказать, что Николай Бердяев не был воспитан в традиционном русском православии. Его отец придерживался вольтерианско-просветительских взглядов, вторую половину жизни он сочувствовал религиозным идеям Толстого, христианство сводил исключительно к любви к ближнему, к церковным догматам относился отрицательно, за обедом часто высмеивал традиционные православные взгляды. Александр Михайлович, живший в детстве в церковно-монашеской атмосфере, был вынужден большую часть года поститься и строго следовать религиозным обрядам, что оставило след на всю его жизнь. Мать Николая Александровича, как уже упоминалось, более склонялась к католичеству, нежели к православию. Родители философа были дружны с киевским генерал-губернатором, и на службы мальчика водили в губернаторскую церковь. У него осталось неприятное воспоминание о военных, присутствующих на службах.

Так или иначе, в отношении Николая Бердяева к православной церкви всегда было что-то мучительное, он рано начал задумываться о вечности и тленности всего в мире. В вере прежде всего он искал свободу, истину и смысл. Только переехав в Москву, Николай Александрович впервые почувствовал красоту старинных церквей и православного богослужения, но он принял

это уже не ребенком, а взрослым человеком с состоявшимся мировоззрением. Атеизм Бердяев отвергал, он был убежден, что Бог, открывая Себя миру в пророках, в Сыне, в Духе, не управляет этим миром, павшим во зло, а несправедливость, ложь, жестокость, царящие в мире, не ведут к отрицанию Бога, ибо к Нему неприменимы социальные категории человечества – сила, власть, государство. Грех философ воспринимал не как непослушание, а как потерю свободы, которую интуитивно ощущал божественной. По его понятиям, Бог был свободой, и Он даровал свободу. Бердяев видел Бога не господином, а Освободителем от рабства мира. Бог не действует принуждением и не создает необходимость, не вынуждает признать Себя, предоставляя человеку свободу выбора. В этом Николай Александрович видел сокрытие тайны мировой жизни. Считая себя представителем свободной религиозной философии, Бердяев читал богословскую литературу, пытаясь определить для себя, что такое православие. Свои заключения и размышления над прочитанным он старался дополнить в общении с духовными представителями православия, сравнивал православие с католичеством и протестантством. И сделал в итоге вывод, что православие менее определимо, менее рационализировано, и в этом его большая свобода.

Бердяев не смешивал понятие Бога с понятием силы, всемогущества и власти. Философ считал, что Бог имеет власти меньше, чем полицейский. Категории власти и могущества, по его мнению, социальны, придуманы человеком и относятся к религии как к социальному явлению. У власти низменное начало, и уже поэтому она не может иметь отношения к Богу. У государства та же природа, что и у власти, и ничто, похожее на устройство государства, не может быть перенесено на отношение между Богом, человеком и миром. В истинном духовном опыте нет ни господина, ни раба. Николай Александрович видел свою миссию в освобождении христианства от социоморфизма – восприятия Бога в социальных категориях, особенно он относил это к теологической мысли о Боге Отце, и о Боге как создателе мира. Бердяеву было ближе представление о Боге Сыне, Христе Богочеловеке, нежели Боге, представителе силы. Философ верил в Бога Сына, Искупителя и Освободителя. Он считал, что искупительные страдания Сына Божьего есть примирение человека с Богом, а не наоборот, и мог принять христианство исключительно как религию Богочеловечества.

В христианстве Николай Бердяев видел двойственность по отношению к человеку. С одной стороны, человек существо падшее и греховное, не способное самостоятельно вернуться к

свободе, с другой – человек есть образ и подобие Божье. И между Богом и человеком есть соизмеримость, заключенная в вечной человечности Бога. Без этого невозможно понимать Откровение. Бердяев определил для себя основной миф Богочеловечности как тайну двойного рождения – рождения Бога в человеке и рождение человека в Боге. Богу необходим человек для творческого ответа, Он ждет от человека свободы в творчестве.

* * *

В Москве через Сергея Булгакова Бердяев познакомился с М. А. Новоселовым, бывшим толстовцем, обратившимся в православие, и его кружком, в который входили представители философской православной мысли: В. А. Кожевников, славянофилы Ф. Д. Самарин, С. П. Мансуров, ректор Московской духовной академии епископ Федор. Бывал там Павел Флоренский. В квартире, производившей впечатление монастырского общежития, проходили собрания, на которых члены кружка читали доклады и спорили. Здесь собирались люди истово православные, связанные с монастырями, ездившие в Зосимову пустынь, которая к тому времени приобрела большее значение, чем Оптина.

В те годы интеллигенты, обращавшиеся к православию, особо почитали старцев. В них видели посвященных, искали их духовного руководства. О старчестве создавались мифы, ходили слухи, что помимо известных старцев, живущих в пустынях и монастырях, есть другие, скрывающиеся старцы, и знают о них очень немногие.

Общался со старцами и Николай Бердяев. Вместе с С. Булгаковым и М. Новоселовым он отправился в находившуюся во Владимирской губернии Зосимову пустынь, где жили два знаменитых старца – Герман и Алексей.

Беседа со старцем Алексеем, находившемся в затворе, произвела на философа очень тяжелое впечатление. Против ожидания, Бердяев не почувствовал ничего духовного в старце, манера затворника говорить показалась ему вульгарной. Старец Алексей все время ругал Льва Толстого, называя его Левкой. Бердяев же очень почитал Толстого, и слушать это было ему в высшей мере неприятно. Иное впечатление произвел на Николая Александровича старец Герман, бывший раньше простым мужиком. Он показался Бердяеву человеком, снисходительным к людским грехам и слабостям, добрым и исполненным благости. Но это было совсем не то, о чем говорили в кружке Новоселова.

Опыт не удался, Бердяев не нашел, чего искал. Духовное руководство старцев было не по нему.

Новые сомнения и духовные неудачи означали новые поиски. В то время в моде были всякого рода оккультические течения. Наиболее интересным из них было антропософическое. Бердяев признавал существование оккультных способностей в человеке, но будучи критически настроенным, у большей части людей, увлеченных в то время оккультизмом, никаких оккультных дарований и знаний не находил. Некоторые антропософы производили на него впечатление людей одержимых, находящихся в маниакальном состоянии. Он хотел больше узнать об антропософии, которой увлекались близкие ему люди. Вскоре Николай Александрович прослушал цикл лекций Р. Штейнера, которые он прочел в Гельсингфорсе в антропософической ложе.

И вновь атмосфера, в которой оказался Николай Бердяев, была ему чуждой, это опять оказалось не то, что он искал. Мыслитель лично познакомился со Штейнером, произведшим довольно сложное впечатление. Доктор Штейнер не показался Бердяеву шарлатаном, он нашел в нем что-то аскетическое и страдальческое. Определенно, Штейнер обладал гипнотическими способностями, но на Бердяева он произвел впечатление человека безблагодатного, бездуховного. После возвращения из Гельсингфорса Николай Александрович написал статью, в которой критиковал антропософию и оккультизм вообще. Неудивительно, что эта статья вызвала сильное негодование среди антропософов, в частности, у Андрея Белого.

С Белым у Николая Александровича были странные отношения. Бердяев ему симпатизировал, ценил его романы «Серебряный голубь» и «Петербург», написал о них две статьи. А. Белый постоянно бывал у Бердяевых, обедал, иногда оставался ночевать, – его считали другом дома.

В разговорах он во всем соглашался с Бердяевым. Потом вдруг исчезал. В такие периоды он обыкновенно писал какую-нибудь статью с резкими выпадами против Бердяева, выставляя его в карикатурном виде. Так же А. Белый поступал и с другими своими друзьями – с Мережковскими, Э. Метнером, Г. А. Рачинским, Вяч. Ивановым.

Зимой 1913 года Бердяевы гостили в доме своей давней знакомой В. С. Гриневич, урожденной Романовской. Однажды за завтраком прислуга доложила, что какой-то неизвестный господин желает видеть Николая Александровича. В столовую вошел высокий таинственный человек в черном плаще. Кудри до плеч, орлиный профиль, высоко поднятая голова – присутствующие нашли его чем-то похожим на викинга. Это был

шведский врач по фамилии Любек. В. С. Гриневич пригласила гостя к столу, и узнав, что он остановился в гостинице, любезно предложила ему переехать в ее особняк. Позже Любек сказал Бердяеву, что прибыл по поручению неких «белых братьев», которые просили передать ему, что следят за его деятельностью и охраняют его. Швед оказался человеком исключительно внимательным, чутким и необыкновенно проницательным. У него были способности к ясновидению. Новый, 1914 год Любек встречал вместе с Бердяевыми. В ярко освещенной столовой много смеялись, шутили, произносили тосты, загадывали будущее. Когда попросили Любека сделать предсказание, то он сказал, что в наступающем году начнется мировая война, в которой Россия потеряет часть своих территорий, потом начнется революция. Затем Любек заявил, что во время революции Николай Александрович станет профессором Московского университета. На следующий день швед уехал.

В то время в московском трактире рядом с церковью Флора и Лавра (недалеко от улицы Мясницкой) по воскресеньям собирались разного рода сектанты, в надежде найти новые направления своей философской мысли, и споривше на религиозные темы. Узнав об этом, Бердяев отправился на Мясницкую. В трактире он слушал, спорил, с некоторыми сектантами познакомился лично.

Собрания в трактире назывались «Ямой». Туда приходили представители самых разных сект – бессмертники, баптисты, евангелисты, раскольники, духоборы, скрытые хлысты, толстовцы. Николаю Александровичу показался очень сильным, красочным, образным народный язык сектантов. Беседы велись на сравнительно высоком уровне, выражались довольно сложные религиозные мысли, поиски правды были страстными. Бердяев с интересом слушал, спорил. Некоторые из сектантов казались настоящими народными гностиками. Николай Александрович, настроенный против сектантства, спорил, опровергал созданные ими религиозные системы. Наибольший протест у него вызывало то, что представитель каждой секты считал свое учение истинным против других, заблуждающихся во лжи.

Более всего философа заинтересовали бессмертники. Они приходили к нему домой, беседовали, спорили. Главная идея бессмертников заключалась в том, что они никогда не умрут; люди умирают только потому, что верят в смерть. Как и все сектанты, они основывались на текстах Священного Писания. Спорить с бессмертниками было трудно, смерть доказывала только слабость веры.

Лето Бердяевы проводили в Харьковской губернии, около

Люботина, в деревне, принадлежащей матери Лидии. Владелец соседней усадьбы, В. А. Шеерман, толстовец по убеждениям, устроил у себя колонию толстовского типа, некое подобие духовной общины. Здесь бывали разные люди, искатели Бога из интеллигенции и из народа, представители различных сект и одиночки-богоискатели, якобы нашедшие свой способ спасения мира. Население этой колонии не было постоянным. Многие проходили через усадьбу, останавливались на несколько дней, и шли дальше на Кавказ, в горы, куда устремлялись представители многих духовных течений.

Искателей праведной жизни Николай Александрович называл духовными революционерами и религиозными анархистами, с удивлением замечал, что они были ему ближе, чем многие интеллигентные знакомые. Среди частых гостей Бердяева был некий Акимушка – простой мужик, чернорабочий, безграмотный. Философ был очень расположен к нему, в Акимушке Бердяева восхищало мистическое чувство жизни, детская беспомощность в реальности, которой для него словно и не существовало, удивительная утонченность. Однажды Акимушка рассказал Николаю Александровичу о случае, произошедшем с ним в детстве. Он пас стадо, когда у него вдруг промелькнула мысль, что Бога нет. В тот миг солнце для Акимушки померкло, наступила тьма, он словно ослеп. Акимушка почувствовал, что если нет Бога, то вообще ничего нет, один мрак, ничто. Потом в глубине темноты стал загораться свет, Акимушка вновь поверил, что Бог существует, ничто обернулось в мир, освещенный солнцем. Этот простой человек никогда не слышал о великих мистиках Мейстере Экхарте и Я. Бёме, но рассказывал о мистическом опыте, о котором они писали в своих книгах. Разговаривая с Акимушкой, Николай Александрович убедился в неверности народнической точки зрения о существовании пропасти между интеллигенцией и народом. Акимушка говорил, что ему далек крестьянин, занятый одними материальными вопросами, а близок Бердяев, с которым он может говорить о Боге и поиске пути истины, чем подтверждал убеждение философа, что в царстве духа существует единство. Вскоре Акимушка уехал на Кавказ.

* * *

Россия неумолимо приближалась к 1917 году. Накануне революционных событий в Москве проходили закрытые общественные собрания, в которых участвовали представители

разных политических движений: социал-демократы, социалисты-революционеры, кадеты. Бывало, выступал на этих собраниях и Бердяев, иногда даже председательствовал на них. У него создавалось странное впечатление, будто люди, представлявшие различные политические направления, как революционные, так и оппозицию, не могли управлять ситуацией, а находились во власти событий. Когда началась Февральская революция, он почувствовал себя ненужным, лишним. Ему претило, что бывшие революционеры старались сделать карьеру во Временном правительстве, и не желал иметь с этим ничего общего. Философ мучительно воспринимал перемены, произошедшие в людях.

Из Петербурга доносились вести о начавшейся революции, по Москве ходили самые невероятные слухи. Улицы города были запружены людьми, обстановка накалилась до предела. Однажды Николай Александрович вместе с Лидией и Евгенией присоединились к революционной толпе, двигавшейся к Манежу. На площади около Манежа стояли войска, готовые стрелять. Толпа сжимала площадь кольцом. В любой момент мог грянуть залп. Бердяев с трудом пробрался внутрь Манежа, попросил найти офицера, командовавшего войсками, и стал убеждать того не отдавать команды стрелять, доказывая, что прежний режим пал, образовалось новое правительство. Войска стрелять не стали.

Николай Александрович был убежден, что одной из причин революции 1917 года стала война. Именно война выявила несостоятельность российской монархии, вскрыла кризис православной церкви, давнюю ненависть русских крестьян к дворянам-помещикам и многое другое, ввергшее страну в катастрофу. Философ считал, что без войны в России все равно произошла бы революция, но позже, и она была бы совсем другой. Большевики сумели воспользоваться неудачами в войне. В таких условиях побеждают люди, как считал Бердяев, способные к диктатуре.

Летом 1917 года в Москве проходили собрания, целью которых была подготовка к епархиальному съезду и собору. Николай Александрович никогда не любил церковных собраний, но чтобы быть объективным в поиске истины, ходил на них, слушал, надеясь найти что-то родственное себе. Впечатление от этих собраний у него осталось очень тяжелое, и в итоге он решил больше никогда не ходить на них.

В период между двумя революциями философ посещал и многочисленные митинги. В выступлениях он обычно не участвовал. Философа не оставляло чувство тревоги, он остро ощущал нарастание роковой силы большевизма. Бердяев понимал, что Февральская революция будет иметь продолжение,

и не останется бескровной. Ощущение надвигающейся катастрофы не покидало его…

* * *

Падение самодержавия в феврале 1917 года Бердяев приветствовал. Видел в этом всемирное предназначение России, он уже тогда считал, что у нее великая миссия. Но Октябрьский большевистский переворот означал для Бердяева победу разрушительного начала в русской революции. Бердяев пережил очень тяжелое потрясение, когда началось бегство русской армии с фронта. В его роду были военные, георгиевские кавалеры. В сочувствии к генералам старой армии он даже преодолел свою детскую неприязнь к военным. Заключение же правительством Ленина Брестского мира Бердяев расценил как предательство национальных интересов России.

В начале 1918 года Николай Бердяев написал книгу «Философия неравенства». Трудом своим он остался недоволен, считал, что ему не удалось до конца выразить свои мысли, полагал ее слишком эмоциональной. Для него равенство осталось пустой идеей, социальная справедливость, по его мнению, должна быть основана на достоинстве каждой личности.

Образ большевиков для Бердяева был неприемлем и эстетически, и этически. Слишком много было вокруг людей, изменивших себе. Философ был потрясен перевоплощением, произошедшим в революционерах, которые стремились занять высокое положение при советской власти. Он считал, что личность при любых обстоятельствах должна оставаться неизменной. Бердяева поражали не только моральные метаморфозы в людях, он был ошеломлен появлением новых выражений на лицах, ранее не виденных им в русском народе. Николай Александрович называл это «новым антропологическим типом» – лица, в которых уже не было доброты, некоторой неопределенности, расплывчатости черт. Их заменили лица гладко выбритые, с жестким выражением, агрессивные и напористые. Изменялись не только люди – изменялись народы. Мистически настроенный Бердяев в сложившемся порядке вещей видел что-то жуткое, даже потустороннее.

Через несколько дней после того, как святитель Тихон, патриарх Московский и всея Руси, обратился «ко всем верным чадам церкви Христовой» с посланием по поводу начавшихся преследований духовенства и кощунственных действий властей по отношению к святыням, 28 января 1918 года состоялся

крестный ход из всех московских храмов на Красную площадь. Принимал участие в этой процессии и Николай Бердяев. Шествие приняло грандиозный характер, люди повсеместно присоединялись к нему, хотя и не были уверены, что вернутся домой живыми. К счастью, обошлось без столкновения с властями, жертв не было.

В 1918 году был образован Всероссийский союз писателей. Николай Александрович стал вице-президентом московского отделения союза. Затея эта была необыкновенной, ведь, как известно, большевики подозрительно и враждебно относились к интеллигенции. Когда надо было зарегистрировать это творческое объединение, то отрасли, к которой можно причислить труд писателей, просто не оказалось. В итоге Союз писателей зарегистрировали по категории типографских рабочих.

Обычно хлопотать о членах Союза писателей – освобождать их из тюрьмы или ограждать от грозящего выселения из квартир – в московский Совет рабочих депутатов, к Каменеву, ездил Бердяев. Каменев хоть покровительствовал ученым и писателям, но Николаю Александровичу, общаясь с ним, приходилось делать над собой усилие. Каменев, пусть и был любезен и внимателен, но приобрел уже вид и манеры сановника, носил шубу с бобровым воротником. А у философа Бердяева любая бюрократия вызывала отвращение.

В стране разруха, газеты, издательства закрыты. В этой ситуации люди, зарабатывавшие на жизнь пером, оказались без средств к существованию. В сентябре 1918-го группа московских литераторов и ученых – М. Осоргин, Н. Бердяев, В. Ходасевич, Б. Зайцев, профессор Дживелегов и другие – организовала на паях так называемую Книжную лавку писателей. Они не только скупали и перепродавали книги, но собирали редкие издания, обеспечивали литературой школы, рабочие клубы. Николай Александрович вместе с другими стоял за прилавком, торговал книгами. Лавка держалась главным образом благодаря деловым качествам Осоргина. У Бердяева же не было способностей к коммерции, он и цены-то книг редко знал. Скоро Лавка стала своеобразным литературным клубом.

В первые послереволюционные годы философу нередко приходилось выступать перед огромными аудиториями. Собрания были самыми разными. В 1919 году, например, в Клубе анархистов проводился диспут о Христе, в котором участвовали толстовцы, последователи Н. Федорова, соединявшие его идею о воскрешении с анархо-коммунизмом, анархисты, коммунисты. Атмосфера в зале, переполненном красноармейцами, матросами, рабочими, была наэлектризована. Один рабочий читал доклад о

Евангелии, составленный на основе популярных брошюр по атеизму. Много говорили о противоречиях в Евангелиях. Прослушав всех докладчиков, говоривших о Христе, Николай Александрович понял, что говорить с такой довольно примитивной аудиторией в атмосфере, насыщенной страстями, будет трудно. Но он все же попросил слова. Впоследствии философ утверждал, что в тот день говорил лучше, чем когда-либо, и называл выступление в клубе анархистов самым большим своим успехом. Тезисы речи он впоследствии изложил в брошюре «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан». Сначала аудитория отнеслась к Бердяеву враждебно, раздавались насмешливые возгласы, выкрики. Но постепенно он овладел вниманием слушателей. Когда Николай Александрович закончил речь, зал взорвался аплодисментами, к нему подходили, пожимали руку, благодарили.

Другой случай – публичная лекция «Наука и религия» в Политехническом музее. В огромном зале было не меньше полутора тысяч слушателей, в основном рабочих и красноармейцев. После лекции публика просила начать прения. Николай Александрович отвечал, что лекция разрешена без прений. Внезапно из-за его спины вышел некий неприятного вида человек и заявил, что именем Всероссийской чрезвычайной комиссии объявляет прения открытыми. У слушателей было много вопросов. Атмосфера в зале была напряжена, как и вообще в революционной Советской России того времени. Когда после лекции Николай Александрович возвращался домой на Арбат, его провожала группа слушателей, состоявшая главным образом из рабочих. Один из них с большой страстностью обрушивался на религию и на веру в Бога. Бердяев спросил у него, зачем же он ходит на такие лекции? Ответ был удивительным и неожиданным. Рабочий сказал, что хочет, чтобы ему опровергли доказательства против веры в Бога.

Новая власть, как уже говорилось, воспринимала интеллигентов как потенциальных контрреволюционеров, видела в них угрозу коммунистическому строю, и к духовным ценностям прежней России относилась враждебно, в лучшем случае – подозрительно. Революция оборвала русский Серебряный век, уничтожала традиции. Но люди, связанные с русской культурой, остались. Николай Бердяев считал, что духовное общение между ними не должно прерываться и в дни террора. В 1919 году он задумал собрать этих людей вместе и объединить их вокруг нового образования – Вольной академии духовной культуры.

Начиналось все в Власьевском переулке. Несмотря на то, что собрания были запрещены властями, в доме Бердяева по

вторникам встречались люди, принадлежавшие к различным направлениям мысли и часто с противоположными политическими убеждениями: социал-демократы, меньшевики, консерваторы, православные, католики, антропософы, старообрядцы. Присутствующие читали доклады, обсуждали духовные вопросы. Тема доклада могла быть любой, единственное условие – рассматривать ее с духовной точки зрения.

Обстановка, в которой проходили собрания Вольной академии, вполне соответствовала общей ситуации в стране. Холод, приглашенные сидят в гостиной, не снимая полушубков и валенок. На ковре лужи от растаявшего снега, подоконники заледенели. Евгения Рапп обходит гостей с горячей настойкой из березовой коры и маленькими пирожками из тертой моркови. Чая и сахара не достать. Люди высказываются, спорят. Однажды кто-то из знакомых Бердяевых принес французскую газету. В одной из статей автор утверждал, что в большевистской России существует свобода слова и приводил в пример вторники у Бердяевых, где собираются представители самых разных идейных направлений и, сидя в удобных креслах, обтянутых малиновым шелком, пьют чай из старинного фарфора с пирожными и говорят на любые темы. Журналист, введенный в заблуждение коммунистической пропагандой, и не подозревал, что в России за эту статью Бердяева, как минимум, могли посадить в тюрьму. Хотя на самом деле собрания не имели ничего общего с политическими заговорами. Преимущественно обсуждались темы по философии истории и философии культуры. Случалось к Бердяевым приходило так много народа, что в гостиной не хватало места для всех, и люди сидели в соседней комнате.

Участники Вольной академии культуры устраивали курсы лекций, семинары, проводили публичные собрания с обсуждениями. Своего помещения у Вольной академии не было, поскольку она не являлась государственным учреждением. Публичные доклады проходили в помещении Высших женских курсов. С проведением лекций и семинаров помогали знакомые, работавшие в советских учреждениях. В общем, выкручивались, как могли. Какое-то время Николай Александрович читал лекции и вел семинар в здании Центроспирта. Вскоре в «Правде» появилась статья о том, что в советском учреждении недопустимо читать лекции на религиозные темы. Заканчивалась она словами, что между религией и спиртом всегда была связь. После этой статьи Бердяева и председателя Центроспирта вызвали в ЧК для объяснений. Николай Александрович предъявил документ, выданный Каменевым, в котором указывалось, что Академия

зарегистрирована в московском Совете рабочих депутатов. На допросе Бердяев с большим трудом долго объяснял следователю, что такое духовная культура, но, похоже, тот так ничего и не понял. Правда, последствий этот вызов в ЧК, к счастью, не имел. Продолжая работать в Академии, философ читал лекции по философии истории и философии религии, вел семинары. Его лекции всегда имели успех. На докладах о книге Шпенглера, магии и теософии все желающие попасть в зал не смогли, люди стояли на лестнице, ожидали возле помещения. Чтобы провести лекцию, Николаю Александровичу пришлось пробираться сквозь толпу, объясняя, что он председатель Академии. Приходили на лекции и коммунисты. В первом ряду обычно сидел агент ЧК, что совершенно не волновало философа, Бердяев никогда не скрывал своих мыслей и на представителей власти не оглядывался.

В 1920 году Николай Бердяев был избран профессором Московского университета. Это было тяжелое время. Люди влачили полуголодное существование. Многих писателей выселяли. Но Бердяев оставался жить в своей квартире.

Обстановка его жилища осталась прежней: фамильная мебель, на стенах портреты его предков – генералы с Георгиевскими крестами. Он работал в своем кабинете, его библиотеку не тронули, конфискация его не коснулась. Такому относительному благополучию способствовали документы, своеобразные «охранные грамоты», полученные Бердяевым от покровительствовавших ему представителей власти. Эти бумаги защищали Бердяева от посягательств на его имущество.

Многие писатели старались примириться с новой властью, ездили в Кремль к покровителю искусств Луначарскому, работали в литературных и театральных организациях. Но Николай Александрович не хотел встречаться с товарищем его молодости Луначарским, как вообще не хотел иметь ничего общего с коммунистическим режимом, и крайне враждебно относился к подобным попыткам своих знакомых приспособиться к нему. Сочтя, что его старые друзья Вяч. Иванов и М. Гершензон стремятся к соглашательству с властью, он порвал с ними отношения.

В то время была введена обязательная трудовая повинность. Граждан, не пролетарского или рабоче-крестьянского происхождения отправляли на принудительные работы.

В первый раз Николая Бердяева арестовали в 1920 году в связи с так называемым «делом Тактического центра». Накануне ареста его и Евгению Рапп вызвали на принудительные работы. Николай Александрович был болен, но в пять часов утра с высокой температурой он пошел на перекличку. На улице было

тридцать пять градусов мороза. В неотапливаемом, едва освещенном керосиновыми лампами помещении собрали «буржуев». После переклички плохо одетых, дрожащих от холода людей построили в колонны и под вооруженным конвоем повели за город колоть лед и очищать от снега железнодорожные пути. Мужчинам велели колоть лед ломами, женщинам – нагружать этим льдом вагоны. Работать закончили в сумерках. Николай Александрович едва держался на ногах. Люди, отрабатывавшие повинность, целый день ничего не ели. После работы им выдали по куску черного хлеба.

Домой Н. Бердяев и Е. Рапп вернулись поздно вечером. А в полночь за Бердяевым пришли из ЧК. Бердяев заявил чекистам, что обыск делать бессмысленно, потому что он открытый противник большевизма, убеждений своих никогда не скрывал, и в его бумагах они не найдут ничего нового – только то, что он говорил на лекциях и собраниях. Обыск продолжался до рассвета. Больному Бердяеву велели собрать вещи и пешком повели его на Лубянку.

В одну из тюремных ночей длинными мрачными коридорами внутренней тюрьмы ЧК Николая Александровича привели в просторный, ярко освещенный кабинет; на полу лежала шкура белого медведя. Возле стола стоял человек с острой бородкой, сероглазый, в военной форме, с орденом Красной Звезды. Он предложил Бердяеву присесть и вежливо представился: «Меня зовут Дзержинский». На допросе присутствовали Каменев и Менжинский.

Дзержинскому Бердяев заявил, что считает соответствующим своему достоинству философа и писателя прямо высказать свои мысли. Дзержинский ответил, что именно этого от него и ждут. Николай Александрович поспешил начать раньше, опережая вопросы. Он говорил около часа, прочел целую лекцию, объясняя, по каким религиозным, философским, моральным причинам является противником коммунизма, в то же время настаивая, что далек от политики. Дзержинский внимательно слушал, изредка прерывая его замечаниями. Председателю ЧК, имя которого приводило в ужас всю Россию, понравилось, как держал себя Бердяев, но ему все же были заданы тяжелые вопросы о его знакомых. Николай Александрович на них не отвечал, у него уже был кое-какой опыт допросов при прежнем режиме. Впоследствии он узнал, что большая часть арестованных по этому делу оговорили сами себя, и это послужило главной основой обвинения.

Сразу после допроса Дзержинский распорядился освободить Бердяева, без права выезда из Москвы, и попросил Менжинского

отвезти Николая Александровича домой на автомобиле. Но свободного автомобиля не оказалось, и Бердяева с вещами домой довезли на мотоциклетке. У выхода из тюрьмы ее начальник, бывший гвардейский вахмистр, спросил у Бердяева, как ему понравилось у них? Философу было с чем сравнить, и режим тюрьмы ЧК показался ему более суровым, чем в дореволюционных тюрьмах.

Процесс по «делу Тактического центра» был публичным. Николай Александрович присутствовал на всех заседаниях. Среди обвиняемых было много его знакомых. Впечатление процесс оставил очень тяжелое – бездарная инсценировка правосудия, участь обвиняемых была заранее предрешена. Люди по-разному переносят испытания, так было и в этот раз – одни обвиняемые держались с достоинством, другие – унижались.

Советское правительство по-разному относилось к Николаю Бердяеву. Например, когда был назначен особый паек для двенадцати наиболее известных деятелей культуры (в шутку их называли «двенадцать бессмертных»), в их числе был и Бердяев. Философ не понимал, почему его поставили в привилегированное положение, тем более что в это время он был арестован и сидел во внутренней тюрьме ЧК. Он объяснял себе происхождение пайка тем, что в то время в Кремле еще находились представители старой русской интеллигенции – Каменев, Луначарский, Бухарин, у них было особое отношение к деятелям культуры, не принявшим сторону коммунизма, и они пытались смягчить притеснения интеллектуальной элиты России.

Однажды Бердяев получил академический паек и привез в Книжную лавку мешок селедок. Он спросил у Осоргина, сколько селедок следует дать извозчику. Осоргин очень серьезно ответил, что нужно дать пять штук. Бердяев переспросил, точно ли пять? Тогда Осоргин ответил, что лучше дать извозчику шесть селедок. Николай Александрович снова засомневался. Осоргин посоветовал дать семь. Так дошли до девяти. Бердяев спросил, не следует ли выбрать извозчику самых больших и жирных селедок, и, прибавив еще одну, расплатился. Извозчик был очень доволен, и, сняв шапку, долго благодарил Бердяева. А тот, тонко разбиравшийся в философских вопросах, никак не мог определить для себя – сколько селедок следует отдать извозчику, чтобы оплатить его труд.

* * *

Некоторое время большевики не особенно пристально следили за деятельностью творческой интеллигенции, это объяснялось тем, что в стране была разруха, голод, интервенция, – было просто не до них. Ситуация изменилась в 1922 году, когда власть серьезно занялась идеологией. Философия сделалась оружием, а инакомыслие угрожало существующему строю. Начались антирелигиозные преследования.

Лето того года Бердяевы проводили вместе с друзьями – писателем Михаилом Осоргиным и его женой Рахилью, в Звенигородском уезде, в Барвихе. Кругом леса, рядом Москва-река. Бердяевы и Осоргины собирали грибы, отдыхали. В деревне об ужасах режима как-то забывалось. Однажды, единственный раз за все лето, Николай Александрович поехал в Москву. Ночью к нему пришли с обыском и арестовали его. Неделю Бердяев просидел в тюрьме ЧК. Бердяева обвинили в антисоветской деятельности и объявили, что по решению Политбюро ЦК РКП(б) и Президиума ВЦИК его высылают за пределы России. Философу показали два документа: анкета, в которой он в ответ на вопрос о наилучшей форме государственного устройства, написал: «аристократическая республика», и приговор, в котором его предупреждали о расстреле в случае попытки самовольного возвращения в Россию.

Кроме Бердяева, высылке подлежала целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, неугодных коммунистическому режиму. В какой-то степени им повезло, потому что больше представителей культуры за границу не высылали – инакомыслящих бросали в тюрьмы. Отношение к вынужденному отъезду было у Бердяева двойственным. Он не хотел эмигрировать, но знал, что уезжает в страну, где не ограничивают свободу слова, творчества и вероисповедания и где он сможет сделать гораздо больше, чем на родине. Большевистское правительство обратилось к Германии с просьбой дать персонам, проживание которых в России нежелательно, визы для въезда в Германию. Канцлер Вирт ответил, что Германия – не Сибирь, и ссылать в нее русских граждан нельзя. Но если русские ученые и писатели сами обратятся с просьбой дать им визу, Германия охотно окажет им гостеприимство. Немецкое посольство отнеслось с сочувствием к высылаемым, каждому предоставили персональную визу в Германию, вопреки желанию советской

власти оформить коллективную визу для депортируемых.

В связи с депортацией Николаю Александровичу приходилось часто бывать в ГПУ. Однажды, дожидаясь следователя, он встретил представителей духовенства. Это были «живоцерковники». «Живая церковь» – одна из организаций, представлявших так называемый обновленческий раскол в Русской православной церкви, возникший в послереволюционные годы. Философ желал реформы церкви, но к представителям «Живой церкви», начавших преобразования с доносов на патриарха, относился с крайней неприязнью. В приемной ГПУ Бердяев встретил епископа Антонина, с которым был знаком по собраниям Религиозно-философского общества в Петербурге. Антонин подошел к Бердяеву, заговорил, вспоминая прошлое. Философ был сдержан, даже сух, ему претило разговаривать с человеком, писавшим доносы.

Совсем иное впечатление на Николая Александровича произвела встреча с отцом Алексеем Мечевым, в определенной степени возместившая неудачи философа в попытках найти общий язык со священнослужителями. С отцом Алексеем Бердяев встретился перед высылкой из Советской России. Алексей Мечев был представителем белого духовенства, но почитался как старец. Стоял яркий солнечный день, философ и священник беседовали в его маленькой комнатке около церкви. Отец Алексей благословлял отъезд Бердяева за границу и говорил, что у него есть миссия в Западной Европе. Мечев также утверждал, что бессмысленно рассчитывать на то, что интервенция поможет свергнуть большевизм, и уповать следует только на духовный переворот внутри русского народа. Он рассказывал о красноармейцах, которые приходили к нему на исповедь и каялись по ночам. Все это отвечало настроениям Бердяева. Через отца Алексея он почувствовал связь с православной церковью, которая, несмотря на его критику официального христианства, никогда полностью не обрывалась.

Уезжать было тяжело. Слишком многое пришлось оставлять – родных, близких, дом. Будущее было неопределенным. Особенно мучительной для Николая Александровича была разлука с племянником. Мучительной была разлука, не только с людьми, но и вещами, любимыми местами. Отъезд только подтверждал, что нельзя ни к чему привязываться, нельзя ничего любить, кроме вечности.

В сентябре 1922 года группа высланных вместе с семьями покинула Россию. В эту группу, кроме Бердяева, входили философы С. Л. Франк, Ф. А. Степун, С. Н. Булгаков, И. И. Лапшин, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Б. П. Вышеславцев, Г. В.

Флоровский, Н. О. Лосский, ректор МГУ зоолог М. М. Новиков, математики во главе с деканом физико-математического факультета МГУ астрофизиком В. В. Стратоновым, историки А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин, А. А. Боголепов и другие. Эти люди были далеки от политики и сопротивления режиму, но большевистская власть усмотрела в их способности мыслить угрозу для себя.

Они добирались из Петербурга в Штеттин морем. Для чего наняли пароход «Oberburgermeister Haken» – печально знаменитый «философский» пароход, на котором за границу уезжал цвет русской мысли и философии. Кроме высылаемых, пассажиров на борту не было. До пересечения морской границы изгнанники не были уверены в том, что пароход не вернут обратно, и только после того как она осталась позади, они ощутили себя в безопасности. Бердяева, как обычно, охватывали противоречивые чувства: ощущение свободы и острой тоски расставания с родиной. Как и все изгнанники, он рассчитывал, что когда-нибудь вернется.

Погода стояла тихая, качки совсем не было. Капитан парохода говорил, что за все время его плавания не помнит такого спокойного моря. Особенно красивы были лунные ночи. У депортированных начиналась новая жизнь. В Штеттин они прибыли 1 октября. Дальше их ждал Берлин.

В мире существовало несколько центров русского зарубежья – в Белграде, Праге, Софии, Харбине, Стамбуле, Париже. Но именно Берлин претендовал тогда на звание центра Зарубежной России. В начале 1920-х годов юго-запад Берлина выглядел как русский пригород, всюду была слышна русская речь. В столице Германии были открыты несколько русских школ, гимназий и научных институтов, созданы три русских театра, работало Русское философское общество им. В. Соловьева, издавались газеты на русском языке («Накануне», «Руль» и другие), работали русскоязычные издательства.

Вскоре после приезда Бердяева в Берлин у него на квартире произошла встреча между представителями высланных и Белого движения. Разговора не получилось, Николай Александрович разволновался, даже кричал. Он не верил в Белое движение. Философ надеялся на свержение большевизма не извне, а изнутри – самим русским народом. Бердяев часто говорил, что западным государствам следует формально признать советскую власть, прекратив таким образом изоляцию России, и тогда ее участие в мировой жизни может ослабить большевизм. Эта мысль приводила в ужас даже левых представителей эмиграции.

В Берлине у Бердяева появилась мысль о создании

организации, продолжавшей традиции Вольной академии духовной культуры и Религиозно-философских обществ – Религиозно-философской академии. Большую помощь в создании этого объединения оказал Американский Союз христианских молодых людей (YMCA). Бердяев познакомился с секретарем YMCA П. Ф. Андерсеном. У него на квартире Николай Александрович и С. Л. Франк, тоже из русских эмигрантов, встретились со швейцарцем Г. Г. Кульманом, другим секретарем YMCA, впоследствии известным деятелем Лиги Наций. Оказалось, что у них близкие взгляды на многие вопросы. Там же было принято решение об организации Религиозно-философской академии. Название «академия» показалось Бердяеву слишком пафосным, но ничего другого они не придумали.

Было дано объявление о совместном собрании недавно высланных из России и уже живущих в Берлине эмигрантов по поводу открытия Академии. Собрание открыл Бердяев, после вступительного слова о духовном возрождении России и задачах Религиозно-Философской академии, он прочитал доклад на тему о религиозном смысле русской революции. Впоследствии, помимо лекций, Религиозно-философская академия ежемесячно проводила публичные доклады с прениями. Николай Александрович мучительно чувствовал свои разногласия с эмиграцией, и в новой обстановке испытывая хорошо знакомое ему чувство отчуждения. Многие эмигранты, представители различных политических, философских, религиозных взглядов, связывали с Бердяевым большие надежды, но ожидания их не оправдывались – он, более всего дороживший независимостью и свободой мыслителя, не примыкал ни к одному лагерю.

Философа волновали другие проблемы. Он был одним из тех, кто хлопотал о создании Русского научного института в Берлине. Немецкое правительство отнеслось с сочувствием к этому начинанию и оказало помощь. В то время власти относились с симпатией к высланным из России, устраивали в их честь собрания, банкеты. 17 февраля 1923 года для обучения русских молодых людей был открыт Русский научный институт. Спустя два дня состоялось первое заседание Ученого совета, в состав которого входили в основном «пароходные» ученые, как их в шутку называли. Николай Александрович стал деканом отделения духовной культуры. Он читал курс по истории русской мысли и этике, вел семинары.

В этом же году Бердяев вошел в совет Русского студенческого христианского движения (РСХД), образованного при помощи YMCA.

* * *

В Берлине Николай Александрович опубликовал такие работы, как «Миросозерцание Достоевского», «Смысл истории». «Миросозерцание Достоевского» – одна из лучших работ, посвященной великому русскому писателю. Достоевский всегда много значил для Бердяева. В своей книге философ не только показал, какую огромную роль в творчестве Достоевского играло понятие свободы, но обозначил ее собственное понимание.

Одним из главных трудов не только немецкого периода, но и всей жизни Николая Бердяева стала книга «Новое средневековье», посвященная философии религии и увидевшая свет в 1923 году.

Философу с его культом свободы была чужда позиция фатализма. Он считал, что история – не только судьба всего человечества, но и судьба отдельного человека. По Бердяеву, человек сам творит историю, сам переживает ее, и поэтому, никогда не бывает в ней безучастным зрителем, только автором, соучастником, творцом. Николай Александрович был убежден, что только лишь творческими усилиями всех людей может произойти религиозное преображение бытия и раскрепощение человека от материального мира. Современное состояние общества Бердяев в своей книге оценил как кризисное. Он видел зарождение существующего кризиса современного века в эпохе Возрождения. Средневековье породило образы монаха и рыцаря – два состояния аскетической личности, обращенной к своему внутреннему миру, в то же время Средневековье ограничивало свободу творчества, что привело к Ренессансу, который мыслитель трактовал как мистическую эпоху. В это время, считал Бердяев, произошло отпадение человека от Бога, человек стал самонадеян, что привело к ослаблению творческих сил, не устремленных более к абсолюту. Особенно ясно это обозначилось, по мнению Николая Александровича, в эпоху позднего Возрождения, когда в жизни человека появились машины. Бердяев считал это величайшей революцией в истории человечества, в корне изменившей образ и ритм жизни. Человек покорил природу, а машина покорила человека, сделала его рабом техники, убивающей тело и душу. Человек оказался в мире техники, попал в новое рабство – коллективную зависимость от машины. Мышление человека изменяется, становится техническим. В такой цивилизации преобладающим становится стремление к наслаждению и комфорту. На смену бескорыстным духовным стремлениям приходит потребительское отношение к миру. Внимания стоит лишь техника, производство, прикладные отрасли науки; духовная жизнь и культура воспринимаются как

нечто иллюзорное, необязательное.

Философ сделал и еще один весьма интересный вывод: власть техники способствует установлению коллективизма и тоталитаризма. Бердяев не отрицал того, что появление техники, как результата человеческого созидания, неоспоримо свидетельствует о богоподобии человека, его способности к творчеству. Но поклонение технике, существующее в нынешнем мире, превращает человека из ее господина в ее раба. Человек не представляет своего существования без техники, приноравливает свои желания, действия, цели к техническим возможностям, изменяется вслед за техническим развитием. Главной ценностью становится техника, человек же превращается в средство технического прогресса. Такими видел Бердяев отношения человека и созданной им техники.

Николай Александрович заострил внимание и на том, что техническая цивилизация привела к разрыву с природой, с органической возможностью развития человечества. Машины – творения человека, нередко бунтуют против своего создателя, используются ему во вред, грозят человечеству гибелью. Бердяев по-новому интерпретировал библейское сказание о грехопадении: творение восстает на своего создателя. Техника начинает занимать решающее место в человеческой жизни. Техническая цивилизация распространяется, и вслед за ней изменяется человек, из хозяина он становится придатком машины, и зависит от нее. Философ опасался, что это может изменить саму человеческую сущность, сорвать Божий замысел о человеке. Он рассматривал самый страшный вариант – в случае господства техники вместо восхождения человека к Богу начнется его нисхождение к материи, и человек сам превратится в бездушную усовершенствованную машину. Ренессанс принес человеку свободу разума, но она начала иссякать, и ее результаты лишь закабаляли человека. Цивилизация машин – ложная цивилизация. Вместо образа и подобия Божия человек стал образом и подобием бездушной машины.

После Ренессанса установившаяся эра новой истории по своей сути была нехристианской. Человек встал в центр Вселенной. Он стал свободен внешне, но потерял духовность, и перестал зависеть от высшего, а значит, стремиться к сверхчеловеческому. К XIX веку гуманизм практически исчерпал себя, дав человеку простор, он использовал его возможности, истратил веру в сверхзадачу, накопленную в предыдущие века, лишил его смысла человеческого существования. Последовала эпоха разочарования. Рыцаря и монаха вытеснили торгаш и шофер, уступившие место комиссару, тиранящему народ во имя

блага народа. Человек забыл о своих самых гордых и смелых мечтах. Гуманизм, отделенный от религии, обернулся своей противоположностью, дал путь развитию мещанской цивилизации. Бердяев считал, что буржуазная цивилизация не является формой культуры, – лишь затянувшимся переходом от старого Средневековья, которое все же было освещено христианским светом, к новому состоянию общества, когда религия займет должное место. Выход философ видел во вступлении человечества в эпоху, которую и назвал «Новым средневековьем». Идея «Нового средневековья», по мнению Бердяева, должна была указать человеку пути выхода цивилизации из кризисного состояния. Несмотря на многие отрицательные стороны, средневековое общество в сравнении с современным, благодаря христианству было единым, устремленным не к материальному, а к духовному. В «Новом средневековье» человек вновь должен обратиться к высшему началу, чтобы окончательно не погибнуть. Мыслитель сравнивал состояние современного общества с падением Римской империи – именно христианство духовно спасло мир от окончательного нравственного падения. Призывая к «Новому средневековью», Бердяев обращался к новому христианскому сознанию, к религиозной революции духа. Концепция «Нового средневековья» стала продолжением русского религиозного ренессанса начала века, не достигшего своей конечной цели. Николай Александрович был убежден, что в обществе «Нового средневековья» большую роль будет играть женщина. Прежняя культура с ее преимущественным господством мужского начала, считал он, исчерпала себя. Именно мужское начало, руководящее жизнью общества, привело к мировым войнам. Поэтому будущее человечества связано с ростом женского влияния на культуру и общественную жизнь. По мнению философа, женщина лучше понимает душевные процессы жизни, она стоит ближе к первичным стихиям мироздания, именно она должна сыграть огромную роль в религиозном пробуждении человечества. Вместе с тем Бердяев однозначно давал понять, что его отношение к женщине ни в коем случае не подразумевало женской эмансипации нового времени.

«Новое средневековье» виделось философу началом новой религиозной эпохи. Во второй половине XIX века среди русской интеллигенции атеизм стал общепринятой нормой. Однажды, тогда еще молодой марксист Бердяев, встретив в ссылке С. Булгакова, рассказывал о нем А. Луначарскому: «Смелый человек! Даже в Бога верит!» А в Советской России веру вообще не считали личным делом каждого – борьба с религией после революции

достигла колоссального размаха. Николай Александрович понимал, что и марксизм можно рассматривать, как религию, а не как философскую теорию. Поэтому он пытался показать отличие общества «Нового средневековья» от коммунистического, подчеркивая, что в наступающую эпоху не обязательно единомыслие. Эпоха «Нового средневековья» не обещала, что в большинстве своем победит религия истинного Бога, Христа, но это значит, что в этот период вся жизнь во всех своих проявлениях поднимается на религиозную борьбу, идет к четкому определению религиозной стороны, божественного начала. Эпоха обостренной борьбы религии Бога и религии Дьявола, противостояния начал Христовых и начал Антихристовых будет уже священной эпохой по своему типу, даже если верх будет брать религия дьявола и дух антихриста. Поэтому русский коммунизм с разворачивающейся в нем религиозной драмой Бердяев считал принадлежащим к «Новому средневековью».

У книги был шумный успех. «Новое средневековье» было переведено на четырнадцать языков и обеспечило Николаю Бердяеву европейскую славу.

* * *

В 1924 году Николай Бердяев переехал из Берлина в Париж. Город показался ему гораздо более оживленнее и красивее, чем Берлин, лишенный, как он считал, всякого стиля. Но в Париже Бердяева, остро чувствовавшего переломы истории, не покидало чувство обреченности, надвигающейся катастрофы, умирания великой культуры, уходящей в прошлое.

Вместе с женой, свояченицей и их матерью Ириной Васильевной Трушевой Николай Александрович поселился в пригороде Парижа, в Кламаре, в наемной квартире. У него появляются привычки, например, он всегда покупает книги в книжном магазине «Vrin». Он всегда с нетерпением ждал дня, когда получал каталог антикварных книг. Просмотрев его, Николай Александрович отмечал все интересующее его, затем отбирал из своих книг уже не нужные ему, чтобы обменять их с доплатой на другие.

Бердяев почти всегда испытывал тоску летом в сумерках на улице большого города. Особенно часто это случалось с ним в Париже. Бердяев вообще плохо переносил сумерки. Они казались ему переходным состоянием между светом и тьмой, добром и злом. Дневной свет уже погас, а звезды еще не выступили на небосводе, и не горит огонь в окнах – свет человеческого очага. В

сумерках у Бердяева обострялась тоска по свету, вечность заглядывала ему в глаза. Тоска ночи казалась ему еще глубже тоски сумерек. С возрастом у него это прошло. Раньше он засыпал при свете, боялся ночных кошмаров. Во время сна он испытывал присутствие кого-то постороннего. Он читал работы по психиатрии, объяснявшей его состояния подсознательным, но это мало что говорило ему. Он относился к тоске иначе, переживал ее мистически, чувствовал притяжение бездны вечности. В существовании самой жизни Бердяев обнаруживал тоску, – он плохо переносил обыденность, повседневные заботы. Над обыденностью поднималось лишь творческое познание. Он говорил, что стал философом, чтобы отрешиться от тоски обыденной жизни. Он противопоставлял ей творчество.

В ноябре того же, 1924 года, в Париже открылась Религиозно-философская академия, где Николай Александрович читал лекции («О проблемах христианства», «Об основных темах русской мысли XIX века», «Судьба культуры», «Человек, мир и Бог» и др.), проводил семинары. Для чтения лекций он выезжал в Англию, Австрию, Италию, Латвию, Польшу, Бельгию, Швейцарию, Эстонию, Чехословакию. Выступления давались ему легко, он часто импровизировал, чего нельзя сказать о самих поездках.

Николаю Александровичу всегда было трудно решиться уехать из дома. Перед отъездом он всегда нервничал, начинал укладывать вещи с утра, волновался, суетился. Философ был мало приспособлен к жизни, мог растеряться из-за любой мелочи, как ребенок. У него никогда не было неприятностей на таможнях, его багаж редко досматривали, но на границе он испытывал необъяснимое беспокойство. Вместе с тем поездки придавали его жизни чувство новизны. Бердяеву не нравилось уезжать, он почти заболевал на вокзале, но нравилось приезжать в новые места – исчезала обыденность, так гнетущая его. И конечно же, его привлекали встречи с новыми людьми. Впечатления от поездок были довольно противоречивыми. С одной стороны, Бердяеву в большинстве своем были симпатичны люди, с которыми он встречался, но с другой – его отталкивал национализм, распространившийся в то время в Европе. Философу, например, приходилось слышать от венгерцев и эстонцев о «великой и исключительной роли» Венгрии и Эстонии. Его поражала взаимная национальная ненависть, особенно к соседям. Причину же национализма Николай Александрович видел в том, что национальность в сознании людей заменила Бога.

Национализм для Николая Бердяева был не только аморален, но глуп и смешон. Он сравнивал его с индивидуальным

эгоцентризмом, противопоставляя ему органический универсализм, за который всегда радел. Последний Бердяев считал соединимым с патриотизмом и народностью. На фоне катастрофы, надвигавшейся на Европу, любовь философа к России и вера в великую «универсалистическую» миссию русского народа только усиливалась. Бердяеву не нравились любые слова, начинавшиеся с «интер», но из-за возмущения национализмом, грозившим гибелью Европе, он готов был даже защищать интернационализм, который считал отвлеченным и неконкретным, отрицающим индивидуализм. Русский национализм для Бердяева был особенно неприемлем. Он был не националистом, но русским патриотом. Остро отрицательную реакцию у мыслителя вызывал антисемитизм.

Меж тем в 1925 году в Париж переехал журнал «Путь», орган русской религиозной мысли. В следующем году Бердяев стал его редактором. Он был терпимым редактором, нередко печатал статьи, с которыми был не согласен. Естественно, что и сам Николай Александрович писал для журнала, в «Пути» было опубликовано 87 его статей. Среди них статьи, направленные против Карловацкого епископата и разрыва с Московской церковью («Вопль русской церкви», опубликована 13 сентября 1927 года в газете «Последние новости»), против осуждения митрополитом Сергием учения о Софии отца С. Булгакова, обвиненного в ереси («Дух великого инквизитора», опубликована в 1935 г. в журнале «Путь»), против Богословского Института в связи с историей с Г. П. Федотовым, которого хотели удалить из института за статьи в «Новой России», где он, произведя анализ ситуации, сложившейся в СССР, высказался о возможности перерождения советской власти в демократическом направлении («Существует ли в православии свобода мысли и совести?», опубликована в 1940 г. в журнале «Путь»). Помимо этого, Бердяев печатался в газетах «Дни», «Русские новости»; журналах «Современные записки», «Новый Град», «Вестник РСХД», «Русские записки», «Новая Россия» и др. Особенно выделял статью в защиту русской церкви в «Последних новостях». Бердяев был редактором издательства YMCA-Press, где вышли его многие книги. Это издательство оказало большую поддержку русским писателям в эмиграции. Не забывал Николай Бердяев и о своей роли «объединителя» философских сил. У него на дому регулярно проходили собрания и диспуты. Помог ему в этом Жак Маритен – французский философ и теолог. Бердяев познакомился с ним в 1925 году в Париже через вдову Леона Блуа, который был крестным отцом Маритена. Бердяевы очень интересовались работами Леона Блуа. Николай Александрович еще в России

написал о нем статью. Лидия отправила мадам Блуа письмо, благодаря которому и состоялась их встреча. Бердяев был знаком с работами Маритена и считал его главным представителем томизма во Франции. Они не сходились во взглядах, но это не мешало их дружеским отношениям. Помимо прочего, Маритен был мистиком, и разговоры с ним на духовные темы увлекали Бердяева. Николай Александрович предложил устроить собеседования не столько на теософские темы, сколько мистические, связанные с духовной жизнью, – так называемый «Кружок интерконфессиональных исследований». Маритен заинтересовался предложением Бердяева и взялся помочь подобрать французскую аудиторию, поставив единственное условие – не приглашать протестантов.

Беседы, посвященные изучению мистики, вызвали большой интерес. На этих собраниях у Бердяева бывали Шарль Дю Бос и Габриэль Марсель. Приходил Масеиньен, специалист по мусульманской мистике, и Жильсон, знаток средневековой философии. С русской стороны бывали С. Булгаков, Г. Федотов, Г. Флоровский и др. Беседы проходили в дружеской обстановке, несмотря на разногласия. Постоянно бывали на этих собраниях известные представители французского католичества того времени. Бердяев с теплотой вспоминал о собраниях «Кружка интерконфессиональных исследований» и сожалел, что они прекратились.

С 1928 года в доме у Бердяева по воскресеньям устраиваются встречи, как в московские времена. Часто бывали Л. Шестов, К. Мочульский, Г. Федотов, отец Д. Клепинин, И. Бунаков-Фондаминский, мать Мария (Скобцова), Пьер Паскаль. Гости усаживались вокруг большого стола, уставленного пирогами, испеченными накануне Евгенией Рапп. В разговоре Бердяев задавал вопросы, направляя беседу, начавшуюся за чаем, к более серьезной теме. Забыта московская Академия, никто уж не ведет протокол заседаний, и все же Бердяев был душой дискуссий. Умело вставленные остроты, неожиданные повороты мысли, необычные обобщения, категорические выводы – все это делало обсуждение настоящим интеллектуальным приключением. Бердяев не сдерживал эмоций, даже его вспышки гнева придавали еще больше искренности общению. Особенно увлекали слушателей словесные поединки Бердяева с Шестовым. По вечерам Лидия, потом Евгения читали вслух русскую литературу, греческую трагедию, Шекспира, Сервантеса, Гете, Диккенса, Бальзака, Стендаля, Пруста.

* * *

Проблема внутреннего одиночества продолжала волновать философа, он никогда не претендовал на то, чтобы с ним соглашались, но хотел быть понятым, добивался, чтобы заметили тему, которая волновала его всю жизнь и признали ее значение. Обыкновенно люди относились к нему с симпатией и интересом, пытаясь найти с ним общность взглядов. Разногласия обнаруживались не сразу. И для Бердяева было всегда что-то мучительное в общении, в том, что он не был до конца понят. Он постоянно испытывал внутреннее одиночество, но не стремился к нему, и в этом заключалось еще одно противоречие, не дававшее ему покоя.

Осознавая в себе большую силу духа, независимость и свободу от окружающего мира, в обыденной жизни он часто бывал беспомощен, чувствовал себя раздавленным беспорядочным напором ощущений и эмоций.

Живя на Западе, Николай Александрович искал точки соприкосновения между русской и западноевропейской философскими традициями и культурами, несмотря на их различия, пытался найти взаимопонимание. В изгнании он замечал, что становится более западным мыслителем, нежели исключительно русским. Его книги были переведены на многие языки, он получал письма со всех концов мира. Помимо Европы, у него были почитатели в Чили, Мексике, Бразилии, Австралии. Но признанный на Западе, Бердяев был почти забыт в России. И тем не менее, его универсальная по своему духу мысль, наиболее ценимая на Западе, выражала русскую сущность. Живя в Европе, он дышал Россией. Два разных мира – в их сопоставлении для философа было что-то мучительное, особенно от того, что он с трудом мог выразить это чувство словами, познание жизни, которому он посвятил свою жизнь, имело для него невыразимую эмоциональную сторону.

Очень увлекали философа так называемые декады в Понтиньи. Именно там он получил наиболее точное представление о французской культуре и жизни. Имение Понтиньи принадлежало Полю Дежардену – поэту и философу, профессору Сорбонны. Это был очень колоритный человек, знаток греческой культуры, многие находили, что внешне он походил на русского мужика, но вместе с тем в нем присутствовало что-то утонченно французское. Дежарден занимался общественной деятельностью, вел обширную переписку с творческими людьми всего мира. Ратуя за терпимость и свободу между народами, в частном общении он, однако, с трудом переносил взгляды, противоположные своим. Хозяйка же имения, мадам Дежарден была очень умной и любезной женщиной, располагавшей к себе.

Главный дом в Понтиньи был переделан из старинного монастыря, основанного святым Бернардом. Здание было построено в готическом стиле, но к старому аббатству были приделаны современные пристройки.

Каждый год, в августе, в Понтиньи устраивались три декады, на которые съезжался интеллектуальный цвет Франции. Приглашались деятели культуры из других стран – англичане, немцы, итальянцы, испанцы, американцы, швейцарцы, голландцы, шведы, японцы. Обыкновенно одна декада проводилась под философской темой, вторая под литературной, и на третьей обсуждалась социально-политическая.

Бердяев был частым гостем в Понтиньи. Там он встречал известнейших представителей культурной элиты Франции: Ш. Дю Боса, А. Жида, Ж. Шлемберже, Роже Мартен де Гара, А. Моруа, Л. Бруншвига, Ж. Валя, А. Филиппа, Р. Фернандеса и др., с Леоном Бруншвигом у Бердяева были ожесточенные философские споры, хотя личные отношения оставались хорошими. Часто собраниями декад руководил Фернандес, литературный критик, актер и спортсмен. Одно время главенствовал на декадах Шарль Дю Бос, с которым Николай Александрович был знаком с 1924 года. С Андре Жидом, увлекавшимся в то время коммунизмом, Бердяев познакомился в связи с его статьей «Правда и ложь коммунизма», напечатанной в первом номере журнала «Esprit» («Дух»). Жид, один из самых известных французских писателей, был человеком застенчивым и робким. На декадах в Понтиньи он иногда делал лишь незначительные замечания.

Обстановка в Понтиньи была очень приятной. Среди гостей – элегантные и красивые дамы, кухня – по-французски утонченная. За столом Николай Александрович обычно сидел рядом с мадам Дежарден. По вечерам гости развлекались играми или музыкой и пением, иногда ездили на автомобилях осматривать окрестности. Собиралось культурное буржуазное общество, знавшее жизнь в довольстве и благополучии, в котором при этом нередким было сочувствие к коммунизму. Надо сказать, что одно время коммунизм был популярен в культурных салонах, но никто не представлял себе, чем он может обернуться в реальности. Бердяева же это раздражало.

Несмотря на все прелести Понтиньи, у Николая Александровича было сложное отношение к происходившим там собраниям. Приятная обстановка, интересные люди, увлекательные разговоры, хотя и не о самом главном для него… Он и здесь искал возможность ближе узнать западный мир, общение в Понтиньи подстегивало развитие его мыслей, придавало им новый оборот, хотя в большинстве случаев это была

отрицательная реакция на услышанное. Философ очень активно участвовал в собраниях, иногда читал по несколько докладов, спорил, отстаивая свою точку зрения. Читать доклады на французском языке не представляло для него сложности, он почти не готовился к ним, в четверть часа легко составлял план выступления. Но при этом он всегда остро чувствовал разницу между его мышлением и отношением к обсуждаемым темам. В выступлениях Николая Александровича сквозило его личное русское катастрофическое чувство жизни и истории, присутствовало отношение к каждой теме по существу, с религиозной точки зрения, а не в преломлении культуры. Французов же больше интересовали вопросы литературы и культурной жизни. Бердяева, с его пронзительным ощущением эпохи, не оставляло чувство, что этому высококультурному и свободолюбивому миру угрожает катастрофа.

Одно время Бердяев часто посещал собрания «Union pour la vérité» («Союз за правду»), также созданного по инициативе Поля Дежардена. На этих собраниях обсуждали новые интересные книги, в основном по философии культуры и философии политики. Для каждой темы приглашались знатоки в этой области. Бердяева обычно приглашали как специалиста по марксизму.

В 1931 году вышла книга Николая Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики». Философ считал ее своей «наиболее совершенной» работой. «Философия свободного духа» и «…Опыт парадоксальной этики» развивали учение философа о несотворенной свободе и свободной природе человека. Согласно Бердяеву, свобода не может быть сотворена, и что, если допустить сотворение свободы, то сам Бог окажется виновником мирового зла. Откровение, считал Николай Александрович, – это обоюдный процесс между Богом, открывающимся человеку, и человеком, открывающимся своей свободной судьбой Богу.

Большое влияние Николай Александрович имел на журнал «Esprit» и философские кружки молодежи вокруг него. Философ присутствовал на учредительном собрании «Esprit» в 1932 году и был приятно удивлен, что молодые философы призывали защищать в журнале человека и человечность. Главным создателем и редактором «Esprit» был Эммануэль Мунье, основатель и ведущий теоретик французского персонализма. «Esprit» объединял левых католиков, протестантов и даже людей спиритуального направления, не принадлежавших к определенной конфессии. В первом номере была напечатана статья Бердяева «Правда и ложь коммунизма», которая в значительной степени определила отношение его основателей к

коммунизму. Вокруг журнала были организованы кружки «Esprit»: философский, марксистский и др.

* * *

Бердяеву всегда было необходимо выражать свои мысли на бумаге. Он с нетерпением спешил в свой кабинет, а если за день ни разу не садился за письменный стол, то испытывал сущие мучения. Каждый вечер Николай Александрович заходил в комнату Лидии, садился в большом кресле и говорил с ней о впечатлениях прошедшего дня. А затем шел к себе работать.

Как-то на вопрос одного профессора Франкфуртского университета, бывшего в гостях у Бердяева: пишет ли он что-нибудь новое, Бердяев, смеясь, ответил, что если бы он хотя бы неделю ничего не писал и не читал, то стал бы буйно помешанным.

Однако сил для плодотворной работы оставалось все меньше, здоровье Николая Александровича ухудшалось. Бердяев жаловался знакомым, что его переводят на многие языки, его книги расходятся, а концы с концами свести не удается. Жили Бердяевы очень экономно, не позволяли себе ничего лишнего, и это при его любви к комфорту и элегантности. Николай Александрович покупал недорогие вещи, но благодаря врожденному вкусу выглядел всегда хорошо одетым, был аккуратен во всем, и в делах, и в повседневности. Он часто говорил Лидии, что они живут, как в монастыре, – никаких развлечений, поездок, визитов. В Париже они не бывали ни в кафе, ни в театрах. И несмотря на такую скромную жизнь, денег всегда не хватало. Бердяев был очень заботлив по отношению к своим близким, старался окружить их вниманием. Очень переживал, если не находил возможности отправить Лидию на лечение к морю или в деревню. Впрочем, кое-какие развлечения они себе все же позволяли. Николай Александрович любил иногда бывать в кинотеатре, он говорил, что это – его отдых от занятий. Лидия Бердяева вспоминает в своих дневниках, как они ездили в кинематограф смотреть советский фильм «Гроза», снятый по Островскому.

Что бы ни происходило, Николай Александрович никогда не забывал о философии. Он говорил о себе, что мыслил философски всю жизнь, каждый день, с утра до вечера. Мысли о философии приходили к нему в голову, казалось бы, в самое неподходящее время – когда он читал роман или газету или разговаривал с людьми, даже в беседах на совершенно

отвлеченные темы. Бердяев мог работать и когда у него была температура тридцать девять, и когда возле дома взрывались бомбы. Работа мысли у него не прекращалась никогда, что бы ни происходило. Истинный мыслитель, он всегда был погружен в разрешение вопросов о свободе, личности, творчестве. Однажды Николаю Александровичу пришел в голову подробный план его книги, когда он был в кинематографе.

В доме в Кламаре было шесть комнат. Лидия и Евгения разделили обязанности: младшая сестра занималась хозяйством, а старшая была секретарем у Николая Александровича. Прислуги не держали. Если бы хозяева, дорожившие ими как аккуратными плательщиками, не сбавили плату за жилье, Бердяевым пришлось бы отказаться от этого дома. До приезда Бердяевых этот дом был в запустении. Лидия и Евгения привели его в порядок, расчистили сад, посадили цветы.

В дом Бердяевых был вхож Алексей Чурилин – химик, с 1935 года работавший в лаборатории известного французского ученого Луи де Бройля. Лидия относилась к Алексею, как к приемному сыну. В канун 1935 года Алексей хотел сделать для Бердяевых подарок. Лидия Юдифовна была посвящена, от Николая Александровича же сюрприз держали в секрете. Алексей принес радиоприемник, который сам сделал для Бердяевых. Приемник потихоньку поставили на камин, позвали Николая Александровича и Евгению. Звуки были очень чистыми и громкими. В этот день Бердяевы слушали музыку со всех концов Европы. Николай Александрович настраивал радиоприемник на разные волны, надеясь услышать Москву, но это не удалось. Вначале он подумал, что Алексей принес радио на праздник, и потом заберет его обратно. Но когда Николай Александрович узнал, что это подарок, он разволновался, говорил, что не может принять такую дорогую вещь от нуждающегося человека (Алексей долго был безработным). И только после того, как Лидия убедила Николая Александровича, что Алексей хотел отблагодарить их за поддержку, которую Бердяевы оказывали ему многие годы, он успокоился.

23 февраля 1935 года Николай Александрович был на собрании «Union pour la vérité». Вернулся он очень угнетенным. На собрании был доклад о советских писателях. Бердяев считал, что в нем представлена идеальная сторона коммунизма в России, и совсем не освещены отрицательные моменты. Особенно тяжело подействовало на философа присутствие на собрании Ильи Эренбурга, к которому французские писатели обращались как к авторитету, представляющему русскую литературу. Писателю Бердяеву было очень горько видеть, что ответов на интересующие

вопросы о России ищут у Эренбурга.

За три года до этого собрания вышла из печати книга Бердяева «О назначении человека» на русском языке. За это время на нее был лишь один отзыв, и тот – фельетон в газете «Последние новости». Ни один русский философ-писатель словом не обмолвился в печати об этой книге. Но когда в июне 1935-го книга вышла на французском языке, едва ли не каждый день Николай Александрович получал много писем с хвалебными отзывами от иностранцев. Габриэль Марсель, например, написал, что вместе с женой читает эту книгу с энтузиазмом, что она имеет для них обоих огромное значение, и что она должна оказать большое влияние во Франции. Уделяют книге Бердяева большое внимание и в Англии. Среди русских же – молчание.

В августе 1935 года Николай Александрович получил гонорар из Испании, и вместе с Лидией и Евгенией уехал на лечение в Виши на три недели. Стояла чудесная погода. Бердяевы жили в отеле «Plaisance», где Николай Александрович останавливался в течение семи лет. Гостеприимные хозяева, хорошая кухня, живописный парк, река… Но отдых – внешняя сторона, внутренняя работа у Бердяева, находился он в городе или в лесу, никогда не останавливалась.

Еще одна характерная черта Николая Бердяева – любовь к животным. Он очень горевал, когда покидая Советскую Россию вынужден был оставить скайтерьера Шульку. А в Страстную субботу 1936 года Лидия шла на почту и увидела черную собаку, голодную, грязную, без ошейника. Она подозвала ее. И животное с радостью откликнулось на зов. Опасаясь, что собаку могут забрать в фургон для бродячих животных, Лидия Юдифовна забрала ее в дом. Николай Александрович собаке очень обрадовался, но боялся, что найдется хозяин и им придется отдать ее. После Пасхи Бердяевы сообщили о своей находке в мэрию. Им ответили, что если собака без ошейника, и никто не заявил о ее пропаже, то они могут считать ее своей. Так в доме Бердяевых появилась собака. Николай Александрович радовался ей, как ребенок.

У соседей Бердяевых жил котенок, серый, пушистый, с белыми лапками и грудкой. Однажды он пробрался во двор к Бердяевым и не хотел уходить. Евгения несколько раз относила его к соседям, но котенок упорно возвращался. В конце концов соседка сказала, что котенок не хочет жить у нее, Бердяевы нравятся ему больше, и если они хотят, то могут забрать его к себе. Николай Александрович в это время был в Париже. Когда он вернулся, то первым в передней его встретил котенок. Он быстро освоился и, совершенно не боясь Бердяева, стал взбираться по его

брюкам. Назвали котенка Мурри. Так в доме Бредяевых появился еще один домашний любимец.

* * *

Живя в Париже, Николай Александрович почти не общался с эмигрантами. С Мережковским, писавшим о нем грубые статьи, он не встречался долгие годы, не виделся и со Струве, также нападавшем на него в печати. С отцом Сергеем Булгаковым у Бердяева не было разрыва, но встречались они очень редко, разве что на собраниях и философских диспутах.

В 1938 году Бердяев получил скромное наследство от Флоранс Вест, друга семьи и поклонницы его философии – дом с садом в Кламаре. Несмотря на наследство, Бердяевы оставались стесненными в средствах. У философа было довольно странное отношение к деньгам. В эмиграции он не бедствовал, но часто нуждался и иногда не знал, чем будет жить через несколько месяцев. И поэтому он очень дорожил своим кабинетом с окнами в сад и библиотекой, но собственность интересовала его только как возможность быть независимым, свободным от проблем быта. Для Бердяевых завещание Флоранс Вест было поистине спасительным. Из-за поднявшихся цен они вынуждены были оставить квартиру, где жили десять лет. Дом оказался очень уютным, с небольшим садом, высокими каштанами, чем-то отдаленно напоминал старинную русскую усадьбу. Как только Бердяевы переехали, Лидия сразу повесила в столовой портрет Флоранс, чтобы их благодетельница всегда незримо присутствовала в доме.

* * *

1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу, 9 апреля 1940 года – в Норвегию и Данию, 10 мая – в Бельгию, Нидерланды, Люксембург, а затем через их территории – во Францию. 10 июня французское правительство эвакуировалось из Парижа и 14-го числа немцы без боя вступили в Париж.

Николай Александрович давно предчувствовал катастрофу, надвигавшуюся на Европу, и начало Второй мировой войны не стало для него неожиданностью. Начались бомбардировки, но философ к воздушным налетам относился довольно равнодушно. Ночью, просыпаясь от взрывов бомб, он переворачивался на другой бок и снова засыпал. В погреб Бердяевы не спускались.

Николай Александрович даже увидел в налетах какую-то эстетическую сторону – иногда он смотрел на воздушный бой и находил это красивым зрелищем.

То, что происходило в Париже, напоминало первые годы Советской России. Во Франции введены карточки, повсюду очереди, пустые магазины, неуверенность в завтрашнем дне.

Войну Николай Александрович переживал не только как внешние события, но и субъективно, как внутренний опыт, как ощущение конца цивилизации и гибели культуры, несовместимость тоталитаризма с учением Христа. Оккупация была унизительна, Бердяев не мог спокойно смотреть на немецкие мундиры, и в июле 1940 года он решает покинуть Париж. На парижском вокзале паника – толпы людей стремятся уехать. Бердяевы попали в давку, едва не погиб кот Мурри. Чудом выбравшись из людского столпотворения, Николай Александрович сказал Лидии, что придумал последнюю главу своей книги, – работа мысли, как уже говорилось, не прекращалась у него ни при каких обстоятельствах. Бердяевы уехали в Пила под Аркашон. По злой иронии судьбы, через несколько дней после приезда в Пила появились немецкие войска.

Три месяца Бердяевы прожили на небольшой вилле в лесу. У философа была возможность эмигрировать в Америку, но он остался во Франции. В начале сентября Бердяевы вернулись домой.

Тем временем германские войска вторглись в СССР. Немцы заняли Украину и дошли до Кавказа. Николай Александрович верил в непобедимость России, но опасность, нависшую над страной, переживал мучительно. Он часто раскладывал на столе карту военных действий и следил за продвижением германских войск по территории России. В это время философ делил людей на тех, кто желал победы СССР, и тех, кто видел в Гитлере освободителя России от большевизма. Последних Бердяев считал изменниками. Он верил в великую миссию России, и считал ее освободительницей мира от фашизма. Не любивший все, что связано с военными с детства, философ видел в действиях Красной армии проявление воли Провидения.

Видимо, под влиянием трагических событий Второй мировой войны, в работах Бердяева начиная с книги «Опыт эсхатологической метафизики» (1941) появились эсхатологические мотивы, зазвучали предчувствия конца мировой истории и человека. Во время войны тема конца мира не оставляет мыслителя, он пишет «Экзистенциальную диалектику божественного и человеческого» (1943–1945), «Истина и

откровение» (1945), посвященную основным проблемам христианства, и свою философскую автобиографию «Самопознание» – свое самое известное произведение, которое было издано лишь после смерти философа.

Обстановка в Париже оставалась тяжелой. Продолжались аресты и депортации в Германию, в концлагеря. Однажды к Николаю Александровичу пришли гестаповцы, расспрашивали его о роде занятий. Своих убеждений философ никогда не скрывал, он открыто осуждал русских, сотрудничавших с оккупантами, передавал в тюрьмы пакеты с едой. Когда же в одной швейцарской газете промелькнуло сообщение о том, что Бердяев арестован, из Берлина был сделан запрос по этому делу и через несколько дней к нему снова явились двое гестаповцев выяснить, чем вызван этот слух. По их словам, сообщение в газете вызвало настоящий переполох. Оказалось, что у Бердяева были покровители в высшем эшелоне национал-социалистов, – кто-то из почитателей его философии в Берлине не допускал его ареста.

В годы войны Бердяев редко бывал в Париже – никаких публичных лекций и докладов, если это хоть как-то отдаленно имело отношение к властям или немцам, быть просто не могло. Но работал он много, по воскресеньям в его доме собирались патриотически настроенные русские, самые главные и важные доклады читались именно там.

Во время трагических событий в Европе, когда бомбардировки, убийства, аресты, концентрационные лагеря стали обыденностью, Николай Александрович, размышляя о зле, страданиях, аде, вечности, переживал состояние «богооставленности», его все больше беспокоит предчувствие близкой смерти. Осенью 1942 года у него обострились боли в брюшной полости. Амбулатории в то время были редкостью, но философа госпитализировали, сделали операцию. Первые дни после операции он просил не закрывать дверь в палату – боялся оставаться один. Николай Александрович пролежал в клинике шесть недель. Почувствовав себя немного лучше, он попросил принести ему «Былое и думы» Герцена. Болезнь отпускала, но предчувствие близкой смерти не проходило, и никак не отражаясь на нем внешне, внутренне вынуждало его торопиться закончить начатые книги, систематизировать написанное.

В августе 1944 года германский гарнизон Парижа капитулировал. Это был еще не конец войны, но ее исход уже был ясен. Бердяев возвращался к общественной жизни. Первые дни освобождения Парижа оставили у философа тяжелые воспоминания – начались аресты и расправы над французами и эмигрантами, сотрудничавшими с немцами. Случалось, под арест

попадали и ни в чем не повинные люди.

В феврале 1944 года умер П. Струве, а вскоре скончался и С. Булгаков. Тяжело заболела жена Бердяева, Лидия, прогрессирующий паралич горла доставлял ей большие страдания – дистрофия мускулов горла вела к затруднению речи, с каждым днем ей было все труднее глотать пищу. В конце сентября 1945 года Лидия Юдифовна скончалась. Незадолго до этого Николай Александрович сказал ей, что она была огромной духовной поддержкой в его жизни. В ответ Лидия написала ему – говорить уже не могла, – что останется для него такой поддержкой навсегда. Почти до самой смерти Лидия Юдифовна писала стихи. Она не была честолюбива, но Николай Александрович хотел издать стихи жены. После кончины Лидии он почувствовал, что смерть стала менее страшной, в ней уже было что-то родное.

* * *

В ноябре 1944 года Николай Бердяев выступил от Союза писателей с публичным докладом на тему «Русская и германская идея». Чтение происходило в помещении Союза русских патриотов и имело большой успех. В журнале «Русский патриот» Бердяев напечатал статью «Трансформация национализма и интернационализма», которая в очередной раз вызвала раздражение в некоторых кругах русской эмиграции.

В 1946 году на русском языке в издательстве «YMCA-press» вышла книга Николая Бердяева «Русская идея». Книга была встречена с огромным интересом. Ее прочли и друзья, и враги Бердяева, находя в ней ошибки, неточности и некоторые наивные рассуждения в области истории России; им восхищались и одновременно критиковали.

Бердяев считал, что наиболее полным выражением какого-либо национального типа является идея того или иного народа. «Русская идея» стала загадкой не только для иностранцев, но и для самих русских. Философ видел особый путь России. Ее географическое положение не позволяет находиться строго в рамках либо восточной, либо западной культуры. Этот факт стал одним из определяющих в национальном самосознании русского народа. Бердяев считал невозможным для России принять только западную или восточную модель развития. Россия, переболев противостоянием западников и славянофилов, должна совместить в себе одновременно и Запад, и Восток, и в этом состоянии прийти к новому качеству общества, сменив буржуазность. В то

же время философ утверждал, что Россия должна преодолеть односторонность западноевропейской культуры с ее материализмом. Дух «русской идеи» более подвержен эмоциям, как это часто бывало у Бердяева, нежели логике. Это книга его настроений, переживаний. Указав на негативные стороны культуры Европы, мыслитель, противореча себе, утверждал, что Россия все же должна учиться у Запада и преодолеть отсталость, а уж после обратиться к своей миссии. Россия может стать собою, только соизмерив себя с Западом, не заимствуя все подряд, но и не отказываясь от достижений, прежде всего, индивидуализма.

У России есть призвание. Утверждая это, Бердяев ни в коей мере не стоял на позициях национализма, это всегда было чуждо ему. Он четко разделял понятия национализма и патриотизма. Философ считал, что у каждого народа есть свое призвание, и XX век потребует определения мирового призвания каждой нации с тем, чтобы объединить национальное сознание с мировым, универсальным.

В «Русской идее» философ выделил шесть основных этапов мировой истории. Первый – античный. Второй этап Бердяев связывал с судьбой еврейского народа, его сознанием мессианства. Третий – христианство, принесшее идею конца мира. Четвертый – эпоха Возрождения, время зарождения гуманизма, приведшего человека к отпадению от Бога. Пятый этап – Реформация, отрицавшая в противовес Ренессансу самостоятельность человека, утверждавшая полную его зависимость от Божественного Провидения. Шестой этап, по мнению Бердяева, был связан с социализмом. Именно в нем философ видел попытку осуществления царства Божия на земле. России, не прошедшей через несколько этапов, было суждено стать испытательной площадкой в осуществлении тоталитарно-социалистической идеи, в назидание всему человечеству. Эта страна, по мнению Бердяева, оказалось первой на пути к «Новому средневековью», к седьмому, грядущему этапу человеческой истории, в который должен произойти религиозно-социальный синтез. Философ приравнивал социализм с социальной справедливостью. Он просто не мог принять ни капитализм, ни буржуазность, поэтому из всех существующих вариантов выбирал социализм. В сравнении с буржуазностью Бердяев видел в социализме хотя бы сравнительную правду. Впрочем, социализм, каким его видели сами социалисты и коммунисты, не устраивал мыслителя. Истинным социализмом Бердяев считал движение за освобождение личности, а не всего угнетенного класса в целом.

После войны к Николаю Александровичу приходили люди из советского посольства. Он с интересом расспрашивал дипломатов

о России. Его радовало, что там снова читают русскую литературу. Вместе с тем Николай Александрович огорчался, что он был известен во всем мире – Европе, Америке, Азии и Австралии, и только на его родине о нем почти ничего не знали. Вопрос о возможном возвращении в Россию был очень болезненным для философа. В 1946 году в одном из интервью он приветствовал возвращение русских эмигрантов на родину. Однажды он даже взял в руки бланк анкеты для реэмигранта. Но Николай Александрович понимал, что вернуться в страну, где нет свободы мысли, философу труднее, чем инженеру, врачу или экономисту.

В одном из разговоров с представителем посольства философ прямо сказал, что вернется только тогда, когда в СССР будут изданы все его книги, написанные в эмиграции. Вскоре неофициальные переговоры о возвращении на родную землю прекратились. В 1946 году вышло постановление «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», направленное против многих советских литераторов. Бердяев выступил в защиту А. Ахматовой и М. Зощенко со статьей в выходившей в Париже газете «Русские новости». После этого возвращение стало невозможным.

Меж тем известность Бердяева в мире росла. Весной 1947 года Кембриджский университет присвоил философу звание доктора «Honoris causa». Это было признание заслуг, из русских им удостоены только Чайковский и Тургенев. Но премии и известность мало интересовали Николая Александровича, в жизни он был очень скромным человеком. Именно поэтому он всячески откладывал поездку в Англию, официальные почести тяготили его. В июле он все же поехал в Кембридж. Присвоение доктората прошло очень торжественно. Бердяев, облаченный в красную мантию и бархатную шапочку, участвовал в почетном шествии. Зал был переполнен. Николай Александрович шел в первом ряду, за ним шли министр иностранных дел Бевен и фельдмаршал Уэвелль, бывший вице-король Индии, получившие степени докторов права.

Этой же весной Николай Александрович получил из Швеции сообщение, что его выдвигают кандидатом на получение Нобелевской премии.

* * *

По воскресеньям в доме Бердяева продолжали собираться люди, ищущие интеллектуального общения. Среди иностранцев бывали не только французы, англичане и американцы –

приходили японцы, китайцы, индусы. 21 марта 1948 года гостей было особенно много. Говорили о проблеме зла. Поздно вечером, когда все разошлись, Николай Александрович сказал свояченице, что очень устал. Утром следующего дня, когда Евгения вошла в кабинет Николая Александровича, он пожаловался на недомогание. Утомленный бессонницей, философ спустился вниз, в столовую. За утренним кофе он сказал Евгении, что у него созрел план новой книги о мистике, он даже распределил ее главы.

Евгения Юдифовна, взволнованная сильной бледностью Бердяева, вызвала доктора. Врач приехал вечером, ничего серьезного не нашел – небольшое ослабление сердца. На следующий день Николай Александрович чувствовал себя лучше, все утро работал в своем кабинете. За завтраком, как всегда, много говорил. Обычно после завтрака он поднимался к себе, работал и после трех часов ложился отдохнуть. Было около пяти часов, когда Евгения Юдифовна услышала его слабый голос: «Женя, мне очень плохо». Она быстро поднялась по лестнице, вошла в кабинет. Побледневший Бердяев сидел в кресле за письменным столом, тяжело дышал. Когда же Евгения взяла его за руку, пульс не прощупывался, дыхание оборвалось. Доктор констатировал смерть от разрыва сердца… Похоронен Николай Бердяев на кладбище в Кламаре.

* * *

Его называли философом свободы. Николай Бердяев ставил ее превыше всего. Свобода для него была первичнее бытия. Он всю жизнь писал о свободе – свободе творчества, свободе духа. Он был убежден, что Бог присутствует только в свободе и действует лишь через нее. Свобода, по Бердяеву, не есть изоляция, но раскрытие, путь к творчеству. Он боролся за нее всю жизнь – мыслью, словом. И вынужден был признать, что эта борьба часто вела его к одиночеству и конфликту с окружающим миром. У Николая Александровича Бердяева при жизни была слава философа и мыслителя, его книги были переведены на многие языки, и только у него на родине его имя обходили молчанием…

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бердяев Н.* Самопознание. – М.: Книга, 1991. – 446 с.

2. *Бердяева Л.* Профессия: жена философа. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 272 с.

3. Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2006. – 384 с.

4. *Осоргин М.* Как мы торговали. az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0110.shtml

5. *Волкогонова О.* www.bookshop.ua/Asp/annot.asp?bid=310009

notes

Примечания

1

Гербовник – свод гербов родов, городов и т. д., содержащий их изображение и геральдическое описание. В России гербовники были известны с XVI века, а «Общий гербовник родов Российской империи» был учрежден указом Павла I 20 января 1797 года.

2

Кульмское сражение – разгром 29–30 августа 1813 года русско-прусско-австрийскими войсками французского корпуса под командованием генерала Вандама под Кульмом (ныне Чехия).

З

Обергофмейстерина – высшее придворное звание и должность для дам в Российской империи. В ведении обергофмейстерины находился придворный дамский штат и канцелярия императрицы.

4

Старший брат Николая Бердяева – Сергей Бердяев (1860–1914) – врач, журналист, поэт, поэт-переводчик, псевдоним Аспид (всего известно 34 его псевдонима).

5

Дионис – бог (фракийского и лидийско-фригийского происхождения) плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства, виноделия, культ которого распространился в Греции. Культ Диониса отражается в оргиазме, экзальтации и буйном исступленном восторге. Объясняемая в свете этого культа, природа человека получает стихийный характер, творческое изобилие и мощь, подчиняющую любое личное качество или конкретное явление.

6

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, поэт, публицист, критик. Стоял у истоков «русского религиозного возрождения» конца XIX – начала XX века. Философия Соловьева оказала влияние на философию Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, а также на поэтов-символистов – А. Белого, А. Блока и др.